

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

МЕРТВЫЕ ДУШИ

Пьеса Николая Коляды в двух действиях по мотивам Н.В.Гоголя.

г. Екатеринбург
2013 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГОГОЛЬ

ЧИЧИКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

НОЗДРЕВ, помещик

КОРОБОЧКА НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА, помещица

СОБАКЕВИЧ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ, помещик

СОБАКЕВИЧ, его жена

ПЛЮШКИН, помещик

МАНИЛОВ, помещик

МАНИЛОВА, помещица

СЕЛИФАН

ПОРФИРИЙ

ПРОШКА

КАПИТАН-ИСПРАВНИК

АЛКИД

ФЕМЮСТОКЛЮС

СТАРУХА В ТРАКТИРЕ

МИЖУЕВ

ФЕТИНЬЯ

ЗАСЕДАТЕЛЬ

ПОЧМЕЙСТЕР

ПРОКУРОР

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая ДОРОГА. РОССИЯ.

Дорога, дорога, дорога ... В бричке Чичиков.

ЧИЧИКОВ (*смотрит в окошко*). Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!.. Когда я жил в Петербурге, то вот по вскрытии Невы всегда находили две-три утонувшие женщины. Не знаю, как сейчас, находят или нет. А тогда — две-три по весне. А я молчу, скорблю и даже не говорю, что я тут причастен и что тут имеет место несчастная любовь ко мне. Молчу, потому что в такую ещё впутаешься историю... Всех ведь не обогреешь. Да, любили и любят, а ведь за что бы, кажется? Лицом нельзя сказать, чтобы очень... Вот, посмотрите, какой у меня подбородок: совсем круглый! Эх! И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Чёрт поberi всё!» - его ли душе не любить её? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Вперед, Россия! Вперед, Селифан!

Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Один мужик у колодца говорил другому, глядя на бричку Чичикова:

ПЕРВЫЙ МУЖИК. Вишь ты, вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву, или не доедет?

ВТОРОЙ МУЖИК. Доедет.

ПЕРВЫЙ МУЖИК. А в Казань-то, я думаю, не доедет?

ВТОРОЙ МУЖИК. В Казань не доедет ...

ЧИЧИКОВ. Помолчите вы, русские! Разболтались не по делу! И в Москву, и в Казань моё колесо доедет! В дорогу! В дорогу, Павел Иванович! Да и действительно, чего не потерпел я? Как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? За то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдове беспомощной и сироте горемыке!.. Но прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг окунемся в жизнь, со всей её беззвучной трескотней и бубенчиками! Эх, жизнь! Эх, Россия, Родина моя! До чего же всё зачудительно! До чего же люблю я эти перелески и пригорки, этих великих русских людей! Да гони ты, Селифан, скотина эдакая, не любишь ты, что ли, быстрой езды?!

Картина вторая

МАНИЛОВ

Бричка тархтела. Чичиков подпрыгивал, ругался на Селифана.

ЧИЧИКОВ. Ты, брат, чёрт тебя знает, потеешь, что ли? Сходил бы ты хоть в баню. Ты же русский человек? Иль татарин?

СЕЛИФАН. И ты, однако ж, хорош. Не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же.

ЧИЧИКОВ. Чего?

СЕЛИФАН. Того. Не татарин я, а русский! (*Селифан крикнул мужикам*). Эй, мордва, на копейку два?

ПЕРВЫЙ МУЖИК. Я не мордва.

СЕЛИФАН. А кто ты? Вотяк? Чалдон? Кацап? Хохол? Пшек собачий? Жид?

ПЕРВЫЙ МУЖИК. Я – русский.

СЕЛИФАН. Русский, русский, весь ты узкий. А где тут ваша Заманиловка?

ПЕРВЫЙ МУЖИК. Заманиловка ... Можга, Маниловка?

СЕЛИФАН. А есть такая?

ПЕРВЫЙ МУЖИК. А есть Маниловка.

ВТОРОЙ МУЖИК. А как проедешь ещё одну версту, так вот тебе, то есть, так прямо направо.

СЕЛИФАН. Черти тебя задери, прямо или направо?

ВТОРОЙ МУЖИК. Прямо направо! Я ж говорю: прямо направо. Не понимаешь, что ли? Чего ты как фетюк?

СЕЛИФАН. Да сам ты это слово! Сам фетюк!

ПЕРВЫЙ МУЖИК И ВТОРОЙ МУЖИК ВМЕСТЕ. Это будет тебе дорога в Маниловку. А Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа, господский дом, в котором, то есть, живет сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь, и не было. Фетюк ты, и есть фетюк.

СЕЛИФАН. Вотяки, чалдоны, кацапы, хохлы, а русских нету! Не остановится, говорит! Экие говорливые, будь ты неладна! Маниловка, Заманиловка, собака!

Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого Манилова, который стоял, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза Манилова сделались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

МАНИЛОВ. Павел Иванович! Насилу вы таки нас вспомнили!

ЧИЧИКОВ. Господин Манилов! Да-с. Это я-с. Хе-хе-с. Здрасьте-с. Чмоки вам мои.

МАНИЛОВ. Да-с. Это вы-с. Хе-хе-с. Здрасьте-с. Чмоки вам мои. Павел Иванович! Я не верю! Не верю глазам своим! Это вы? Нет, неправда! Я брежу, я сплю?!

ЧИЧИКОВ. Я, я, хе-хе. Да-с. Это я-с. Хе-хе-с.

МАНИЛОВ. Пожалуйста в комнаты. Это супруга моя. Радость моя, Лизанька, Павел Иванович приехали! Позвольте мне вам представить жену мою. Душенька, Павел Иванович!

Манилова была недурна, одета к лицу. Чичиков не без удовольствия подошел к её ручке.

МАНИЛОВА. Я не верю! Не верю, не верю!

ЧИЧИКОВ. Отчего-с не верите-с?

МАНИЛОВА. Вы нас очень обрадовали своим приездом. Муж мой, не проходило и дня, чтобы не вспоминал про вас. Правда, правда, правда! Не вру, не вру, не вру!

МАНИЛОВ. Да уж, она, бывало, всё спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?». Говорю: «Погоди, душенька, приедет». А вот вы, наконец, и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца...

ЧИЧИКОВ. Что вы, ни громкого имени, ни даже ранга заметного не имею.

МАНИЛОВ. Вы всё имеете, всё имеете, даже ещё более.

МАНИЛОВА. Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы. Присядьте сразу за стол, накрыто. Покушаем.

МАНИЛОВ. Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель. Чмоки-чмоки мне, радость, солнце, съешь конфетку!

МАНИЛОВА. Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек яблочка. И вы разиньте, и вам положу! Чмоки-чмоки вам!

МАНИЛОВ. А я тебе сливочку. Чмоки!

МАНИЛОВА. А я тебе ягодку. Мы так любим друг друга. Чмоки!

МАНИЛОВ. Мы так любим друг друга. Чмоки-чмоки-чмоки!

МАНИЛОВА. Мы так любим друг друга. Чмоки-чмоки-чмоки!

МАНИЛОВ. Пойдемте в те комнаты. Чмоки-чмоки-чмоки!

МАНИЛОВА. Пойдемте в те комнаты. Чмоки-чмоки-чмоки вам!

Они стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, упрасывая друг друга пройти вперед.

ЧИЧИКОВ. До чего же всё зачудительно. Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после.

МАНИЛОВ. Нет, Павел Иванович, нет, вы гость.

ЧИЧИКОВ. Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите.

МАНИЛОВА. Нет уж, извините, не пройдете.

МАНИЛОВ. Не допущу пройти позади меня такому приятному, образованному гостю.

МАНИЛОВА. Мы не допустим пройти позади нас такому приятному, образованному гостю. Чмоки-чмоки вам.

ЧИЧИКОВ. Почему ж образованному? Пожалуйста, проходите. Чмоки вам.

МАНИЛОВ. Ну, да уж извольте проходить вы.

ЧИЧИКОВ. Да отчего ж?

МАНИЛОВ. Ну, да уж оттого!

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга. Сели за стол.

МАНИЛОВА. Как вам показался наш город?

ЧИЧИКОВ. Всё зачудительно!

МАНИЛОВА. Всё зачудительно? Какая прелесть! Приятно ли провели там время?

ЧИЧИКОВ. Очень хороший город, прекрасный город, и время провел очень приятно: общество самое обходительное.

МАНИЛОВА. Кушайте. А как вы нашли нашего губернатора?

МАНИЛОВ. Не правда ли, что препотеннейший и прелюбезнейший человек?

ЧИЧИКОВ. Совершенная правда, препотеннейший человек. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно желать побольше таких людей.

МАНИЛОВ. Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках, и всякое такое разное-преразное. А?

МАНИЛОВА. А как вы нашли нашего губернатора?

ЧИЧИКОВ. А я ведь уже сказал. Зачудительно. Очень обходительный и приятный человек.

МАНИЛОВ. Правда? Зачудительно?

ЧИЧИКОВ. И какой искусник! Я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелек, редкая дама может так искусно вышить.

МАНИЛОВА. А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек?

ЧИЧИКОВ. Очень, очень достойный человек.

МАНИЛОВ. Ну, позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

Алкид и Фемистоклюс носились по комнате, бросались на Чичикова и щипали его. Тщетно пыталась Манилова успокоить их и спрятать свое раздражение за улыбкой.

МАНИЛОВА. Ну, позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

ЧИЧИКОВ. Э-э, ну да. Да. Чрезвычайно приятный. И какой умный, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов. Очень, очень достойный человек!

МАНИЛОВА. Ну, а какого вы мнения о жене полицеймейстера? Не правда ли, прелюбезная женщина?

МАНИЛОВ. Ну, а какого вы мнения о жене полицеймейстера? Не правда ли, прелюбезная женщина?

ЧИЧИКОВ. О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю. Прямо чмоки.

МАНИЛОВА. А председатель палаты? Чмоки?

ЧИЧИКОВ. А, тре бьен! Чмоки!

МАНИЛОВА. А почмейстер? Чмоки?

МАНИЛОВ. А почмейстер? Зачудительно? Чмоки-чмоки-чмоки? Чмоки-чмоки-чмоки!

ЧИЧИКОВ. О, да!

МАНИЛОВА. А ...

ЧИЧИКОВ. Так, стоп, хватит! Вы всегда в деревне проводите время?

МАНИЛОВ. Больше в деревне. Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти.

ЧИЧИКОВ. Правда, правда.

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. Конечно, другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое... Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого ... Вот только иногда почитаешь «Сын Отечества» ...

ЧИЧИКОВ. Ничего не может быть приятнее, как жить в уединении, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу ...

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. Но, знаете ли, всё, если нет друга, с которым бы можно поделиться...

ЧИЧИКОВ. О, это справедливо, это совершенно справедливо! Что? Все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец.

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. И знаете, Павел Иванович ... Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение ... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться зачудительно приятным вашим разговором...

ЧИЧИКОВ. Помилуйте, что ж за зачудительно приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего...

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. О! Павел Иванович, позвольте нам быть откровенным: мы бы с радостью отдали половину всего нашего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..

ЧИЧИКОВ. Напротив, я бы почел со своей стороны за величайшее...

СЛУГА (*вдруг заорал*). Да зараза такая, хватит уже, ешьте уже!

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. Прошу покорнейше. Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах. У нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу, ешьте. Пересядьте сюда. Тут будет лучше. Идите вперед.

ЧИЧИКОВ. Нет, вы.

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. Нет, вы!

ЧИЧИКОВ. Нет, вы!

СЛУГА. Да зараза, идите уже!

В столовой бегали всё также два мальчика, сыновья Манилова. Гость был посажен между хозяином и хозяйкою, слуга уgomонил детей, усадил за стол и завязал детям на шею салфетки. Дети злобно стучали ложками по столу, глазом урки смотрели на Чичикова.

ЧИЧИКОВ. Какие миленькие дети! Зачудительно! Тю-тю-тю! Чмоки-чмоки прямо! А который им уже год? Поди, большенькие?

МАНИЛОВА. Большенькие. Старшему осьмой, а меньшему вчера только минуло шесть.

МАНИЛОВ. А какие умные, Павел Иванович! Вот, смотрите: Фемистоклос, Фемистоклос, скажи мне, какой лучший город во Франции?

ФЕМИСТОКЛЮС. Париж.

МАНИЛОВ. А у нас какой лучший город?

ФЕМИСТОКЛЮС. Петербург.

МАНИЛОВ. А еще какой?

ФЕМИСТОКЛЮС. Москва.

ЧИЧИКОВ. Умница, душенька! Скажите, однако ж ... Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности.

МАНИЛОВ. О, вы еще не знаете его! У него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшей, Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают. Побежит за ней следом и тотчас обратит внимание. И раздавит потом, и смотрит на нее, раздавленную, как устроена. Будет, поди, человеком. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклос! Хочешь быть посланником?

ФЕМИСТОКЛЮС (*жуя хлеб и болтая головой направо и налево*). Хочу.

В это время Манилова утерла посланнику нос.

МАНИЛОВА. А какой у нас прекрасный театр в городе?

ЧИЧИКОВ. Изумительный. А артисты и артистки – просто чудо.

МАНИЛОВА. Таких и в Москве нету.

ЧИЧИКОВ. Да что вы! Откуда!

МАНИЛОВА. Изумительные просто постановки премьерных спектаклей.

ЧИЧИКОВ. Огонь!

МАНИЛОВА. Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли.

Алкид и Фемистоклос носились по комнате, бросались на Чичикова и щипали его. Тот с улыбкой отбивался от них.

ЧИЧИКОВ. Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда. Я бы хотел поговорить с вами об одном очень нужном деле. Наедине-с.

МАНИЛОВ. В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет. Вот мой уголок. Пойдемте.

ЧИЧИКОВ. Пойдемте. Благодарствую за кушанье.

Вошли, так же задержавшись в дверях, в комнатку.

МАНИЛОВ. Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах. Здесь вам будет попокойнее.

ЧИЧИКОВ. Позвольте, я сяду на стуле.

МАНИЛОВ. Позвольте вам этого не позволить. Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сесть. Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

ЧИЧИКОВ. Нет, не курю.

МАНИЛОВ. Отчего?

ЧИЧИКОВ. Не сделал привычки, боюсь. Говорят, трубка сушит.

МАНИЛОВ. Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение.

ЧИЧИКОВ. Это, точно, случается, в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума. Но позвольте прежде одну просьбу ... Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

МАНИЛОВ. Да уж давно. А лучше сказать - не припомню.

ЧИЧИКОВ. Как с того времени? Много у вас умерло крестьян?

МАНИЛОВ. А не могу знать. Я очень люблю русский народ и так переживаю, когда они умирают, что даже не считаю их. Зачем? Плакать потом? Впрочем, вот реестрик. Да, большая смертность. Их никто не считал. Совсем неизвестно, сколько умерло. А для каких причин вам это нужно?

ЧИЧИКОВ. Вы спрашиваете, для каких причин? Причины вот какие: я хотел бы купить крестьян ...

МАНИЛОВ. Но позвольте спросить вас, как желаете вы купить крестьян, с землею, или просто на вывод, то есть - без земли?

ЧИЧИКОВ. Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян. Я желаю иметь мертвых ...

МАНИЛОВ. Как-с? Извините, я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово ...

ЧИЧИКОВ. Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии, как живые.

Манилов выронил чубук с трубкою на пол. Ложки, лежавшие на столе вдруг зашевелились и поехали крутиться. Манилов пораженно смотрел на них.

Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше? Мне кажется, вы затрудняетесь?..

МАНИЛОВ. Я?... Нет, я не то. Но я не могу достичь... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении. Не имею высокого искусства выражаться... Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

ЧИЧИКОВ. Нет, нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть, те души, которые точно уже умерли.

И снова ходуном на столе заплясали ложки. Манилов совершенно растерялся.

Итак, если нет препятствий, то с Богом - можно бы приступить к совершению купчей крепости.

МАНИЛОВ. Как, на мертвые души купчую?

ЧИЧИКОВ. А, нет! Мы напишем, что они живые, так, как стоит действительно в ревизской сказке и будет зачудительно. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов. Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

МАНИЛОВ. О! Помилуйте, ничуть. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

ЧИЧИКОВ. Подобное предприятие, или негоция, никак не будет не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России. Наоборот. Казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

МАНИЛОВ. Так вы полагаете?..

ЧИЧИКОВ. Я полагаю, что это будет хорошо. Теперь остается условиться в цене...

МАНИЛОВ. Как в цене? Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то, с своей стороны, я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя.

ЧИЧИКОВ. Как?!

МАНИЛОВ. Я хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

ЧИЧИКОВ. Очень не дрянь. Если б вы знали, какую услугу оказали сей дрянью человеку без племени и роду! Просто зачудительную услугу!

Тут Чичиков отер платком выкатившуюся слезу. Манилов был совершенно растроган. Чичиков взял шляпу и стал откланиваться.

МАНИЛОВ. Как? Вы уж хотите ехать?

В это время вошла в кабинет Манилова.

Лизанька, Павел Иванович оставляет нас!

МАНИЛОВА. Потому что мы надоели Павлу Ивановичу.

ЧИЧИКОВ. Сударыня! Здесь, здесь, вот где, да, здесь пребудет приятность времени, проведенного с вами! И, поверьте, не было бы для меня большего блаженства, как жить с вами, если не в одном доме, то, по крайней мере, в самом ближайшем соседстве.

МАНИЛОВ и МАНИЛОВА ВМЕСТЕ. А знаете, Павел Иванович, как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!.. Как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начать строить мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву, и

там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. Потом мы вместе приехали бы в какое-то общество, в хороших каретах, где обворожают всех приятностию обращения, и государь, узнавши о такой нашей дружбе, пожаловал бы нас генералами.

МАНИЛОВА. А я бы была генеральшею.

ЧИЧИКОВ. Вы и есть генеральша. О! Это была бы райская жизнь! Прощайте, сударыня! Прощайте, почтеннейший друг! Не позабудьте просьбы!

МАНИЛОВ. О, будьте уверены!

Все вышли в столовую.

ЧИЧИКОВ. А я заеду к Собакевичу! Прощайте! Прощайте, миленькие малютки! Прощайте, мои крошки! Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал даже, живете ли вы на свете. Но теперь, как приеду, непременно привезу какую-нибудь гадость. Тебе вот привезу саблю. Хочешь саблю?

ФЕМИСТОКЛЮС. Хочу. Зачудительно.

ЧИЧИКОВ (*Алкиду*). А тебе барабан. Не правда ли, тебе барабан?

АЛКИД. Парапан, парапан. Зачудительно. Дядя, а ты ведь дурак?

ЧИЧИКОВ. А я не дурак. Ух ты какой! Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан!.. Этак всё будет: туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!

МАНИЛОВ. Право, останьтесь, Павел Иванович! Посмотрите, какие тучи.

ЧИЧИКОВ. Это маленькие тучки.

МАНИЛОВ. Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

ЧИЧИКОВ. Об этом хочу спросить вас. Ну, скажите, как проехать к Собакевичу?

МАНИЛОВ. Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру. Эй ты, козел? Нужно пропустить два поворота и поворотить на третий. Понял, гнида?

СЕЛИФАН. Потрафим, ваше благородие.

Манилов, Манилова и дети долго стояли на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала не видна, они всё еще стояли.

МАНИЛОВ. Редкостный идиот, скажи, душенька?

МАНИЛОВА. Да уж, давно таких придурков лагерных не видела. Жрет и жрет, а дети смотрят.

МАНИЛОВ. Не говори. И всё видят. Дети, дети, куды вас дети?

МАНИЛОВА. Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек яблочка. И вы, дети, разиньте рты, и вам положу! Чмоки-чмоки вам!

МАНИЛОВ. А я тебе сливочку. Чмоки!

МАНИЛОВА. А я тебе ягодку. Мы так любим друг друга. Чмоки!

МАНИЛОВ. Мы так любим друг друга. Да, дети? Чмоки-чмоки-чмоки!

МАНИЛОВА. Мы так любим друг друга. Чмоки-чмоки-чмоки!

АЛКИД. Парапан. Парапан. Парапан!

МАНИЛОВА (*стукнула Алкида по голове*). Как вы мне надоели, твари! Да иди уже в дом, идиот!

КОРОБОЧКА

Дорога, дорога, дорога ... В бричке Чичиков.

ЧИЧИКОВ (*смотрит в окошко*). Русь, бойкая необгонимая тройка, куда несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Эх, кони, кони, что за кони! Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа. Эх! И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Чёрт побори всё!» - его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Вперёд, Россия! Вперёд, Селифан! Эх, жизнь! Эх, Россия, Родина моя! До чего же всё зачудительно! До чего же люблю я эти перелески и пригорки, этих великих русских людей! Да гони ты, Селифан, скотина эдакая, не любишь ты, что ли, быстрой езды?!

СЕЛИФАН. У, варвар, гони! Бонапарт ты проклятой!.. Эй вы, любезные!

ЧИЧИКОВ. Селифан!

СЕЛИФАН. Что, барин?

ЧИЧИКОВ. Погляди-ка, не видно ли деревни?

СЕЛИФАН. Нет, барин, нигде не видно!

ЧИЧИКОВ. Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?

СЕЛИФАН. Да что ж, барин, делать, время-то такое, кнута не видишь, такая потьма!

ЧИЧИКОВ. Держи, держи, опрокинешь!

СЕЛИФАН. Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул. Это нехорошо опрокинуть, я уж сам знаю; уж я никак не опрокину.

Он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно на бок. Чичиков и руками и ногами шлёпнулся в грязь.

Вишь ты, и перекинулась!

ЧИЧИКОВ. Селифан, да ты пьян, как сапожник!

СЕЛИФАН. Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным.

ЧИЧИКОВ. Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать!

СЕЛИФАН. Как милости вашей будет завгодно. Коли высечь, то и высечь, я ничуть не прочь от того. Почему ж не посечь, коли за дело? На то воля господская. Оно нужно посечь потому, что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки, почему ж не посечь?

Чичиков только сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу. Свет мелькнул в одном окошке. Селифан принялся стучать, и скоро, отворив калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армяком.

Открывай, собака!

КОРОБОЧКА. Кто стучит? Чего расходились?

ЧИЧИКОВ. Приезжие, матушка, пусть переночевать!

Чичиков вошел. Комната была обвешана старенькими полосатыми обоями.

КОРОБОЧКА. Да кто вы такой, батюшка, кто?!

ЧИЧИКОВ. Дворянин, матушка, дво-ря-нин.

КОРОБОЧКА. А фамилия как?

ЧИЧИКОВ. Чичиков, матушка, Чи-чи-ков. Ох, силы моей нету ... Чмоки вам!

КОРОБОЧКА. Вишь ты, какой востроногий, приехал в какое время! Здесь тебе не постоянный двор: тут помещица живёт! Напугал как, а?! Чего надо, чего?!

ЧИЧИКОВ. Что ж делать, матушка: вишь, с дороги сбились. Не ночевать же в такое время в степи! Спасите, матушка! Чмоки-чмоки-чмоки!

Чичиков свалился в кресло, постанывая и потирая лодыжку, и принялся хихикать ...

Вдруг!

... В совершенно заснувшем в отдалённых улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж. Собаки залаяли, и ворота, разинувшись наконец, проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение. Из экипажа вылезла барыня: эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка. Не разбирая дороги, бросилась она в комнаты, толкая прислугу. Вбежала в большую комнату, где у зеркала прихорашивалась, Анна Григорьевна, хозяйка дома.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да кто это?! Кучка грязи какая-то? Господи, уже поздний час!

КОРОБОЧКА. Ой, здравствуй-здравствуй, Анна Григорьевна! Это я, Настасья Петровна Коробочка, ой, ой, ой ... Чмоки мои вам! Чмоки-чмоки-чмоки! Боки все изваляла в кибитке, пока к тебе добралась ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что ж вы в такую позднь, милая? Или в такую рань? Случилось что?

КОРОБОЧКА. Матушка моя, Анна Григорьевна, ты одна у меня городская родственница, хоть и троюродная кума, но образованная, и ты поможешь, разъяснишь, объяснишь, что к чему ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что случилось? Я уж спать ложусь, не до гостей!

КОРОБОЧКА. Да ведь как уехал он, так я пришла в такое, в такое пришла я беспокойство насчет могущего произойти со стороны его обмана ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да кто, что? Да куда уехал, начните по порядку?

КОРОБОЧКА. Вот как уехал он, как уехал, так я, не пославши три ночи сряду, решила ехать в город, несмотря на то, что лошади не подкованы! И вот я тут, чтобы тут или там у вас узнать наверно, почем нынче ходят мёртвые души, и уж не промахнулась ли я, Боже сохрани, продав их, может быть, втридешева. А?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Мёртвые души?

КОРОБОЧКА. Мёртвые души.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Кто покупал?

КОРОБОЧКА. Чичичиков некий такой. Пузастый такой. Знаешь его?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Чичичиков?

КОРОБОЧКА. Или Чичиков?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Чичиков?! Мёртвые души? Покупал?!

Хозяйка дома невероятно оживилась, предчувствуя развлечение.

Матушки! Матушки мои! Стойте! Нет! Да! Стойте! Нам надобно немедля Софью Ивановну для совета! Вот я её вызову! Палашка! Немедля гони к Софье Ивановне и скажи, что зову её срочно ко мне по пожарному делу!

ПАЛАШКА. Барыня, ночь на дворе!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Что я тебе сказала?! Немедля! Беги! Сядьте же! Сядьте, расскажите? Итак, мёртвые души! Что - мёртвые души, кто - мёртвые души, где - мёртвые души, ну, ну, ну!?

КОРОБОЧКА. Послушай только, Анна Григорьевна! Итак, вдруг в глухую полночь, когда

всё уже спало в моём доме, раздаётся в мои ворота стук, опаснейший, какой только можно себе представить ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Боже! Я боюсь, боюсь, боюсь, боюсь, боюсь! Это ведь совершенный роман господина Загоскина!

КОРОБОЧКА. И кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!»

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Каков же после этого прелестник!

КОРОБОЧКА. Кто прелестник? Чичичиков твой прелестник?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ну да! Ну да! Про него весь город говорит! Да зачем же он к вам, к вам-то?! Вы, конечно, хорошо сохранились, Настасья Петровна, но разве вы так молоды и так хороши собою, чтобы в ночь стучаться в ваши ворота?

КОРОБОЧКА. Я старуха! Я старая старуха, матушка! Зачем ко мне ночью стучаться?! И с ножом к моему горлу – отдай мёртвые души мне! Отдай!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, прелести! Так он за старух принялся! Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться!

КОРОБОЧКА. Что?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Не важно! Ну, дальше, дальше что?! Что ж он, стал требовать близости?!

КОРОБОЧКА. Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что ты полагаешь. Какая уже близость-то, прости Господи. Вообрази себе только то, что является вооруженный с ног до головы ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вооруженный?! Вроде Ринальда Ринальдина?!

КОРОБОЧКА. Хуже! И требует: «Продай, говорит, все души, которые умерли!».

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Какие души?!

КОРОБОЧКА. Я отвечаю ему очень резонно, говорю: «Я не могу продать, потому что они мёртвые». Я беззащитная и слабая-преслабая ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Резонно, совершенно резонно! Ну и дальше?!

КОРОБОЧКА. Нет, говорит, они не мёртвые, это моё, говорит, дело знать, мёртвые ли они, или нет, они не мёртвые, не мёртвые, кричит, не мёртвые! Словом, скандальозу наделал ужасного. Ты представляешь, Анна Григорьевна, вся деревня сбежалась, ребёнки плачут, все кричит, никто никого не понимает, ну просто - оррьр, оррьр, оррьр!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Оррьрр, оррьр, оррьрр?!

КОРОБОЧКА. Вот именно-с! Оррьр, оррьр, оррьр!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Боже, вы себе представить не можете, как я перетревожилась. Палашка, скажи мне, я бледна? Ах, я услала её к Софье Ивановне! Я посмотрю в зеркало! Да, я бледна! Я должна, я должна, я обязана, я просто обязана рассказать это Софье Ивановне! Где же она?!

КОРОБОЧКА. Матушка моя, вы бледны-с.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да, я бледна-с! Тут не то что бледность, тут и медвежья болезнь некоторых наших дам возьмёт, как узнают! Ах, он прелестник! А ведь я ничего не могу и говорить, гляжу просто вам в глаза, как дура! Я думаю, что вы подумали, что я сумасшедшая? Ах, матушка, если б вы только могли себе представить, как я перетревожилась!

КОРОБОЧКА. Не знаешь, почему нынче дают мёртвых душ?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что за ерунда такая? Это, однако ж, странно. Что бы такое могли значить эти мёртвые души? Я, признаюсь, тут ровно ничего не понимаю. Вот уже во второй раз я все слышу про эти мёртвые души. А муж мой еще говорит, что Ноздрёв врёт. Нет, что-нибудь, верно же, есть.

КОРОБОЧКА. А представь, Анна Григорьевна, каково мое было положение. Если бы ты могла сколько-нибудь себе представить, как я вся перетревожилась. Так почём нынче в городе ходят мёртвые души?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да при чём тут ваши мёртвые души, Настасья Петровна?! Глупости! Воля ваша, здесь не мёртвые души, здесь скрывается что-то другое!

КОРОБОЧКА. Я, признаюсь, тоже думаю, что тут что-то другое, да вот боюсь – не продешевила ли я, а?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. А что ж, вы полагаете, здесь скрывается?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Я поняла. Ну, слушайте же, что такое эти мёртвые души ...

КОРОБОЧКА. Что?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Мёртвые души ...

КОРОБОЧКА. Что, что?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Мёртвые души!..

КОРОБОЧКА. Ах, говори, ради Бога!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку!

... Коробочка раскрыла рот и замерла недвижно, будто после апоплексического удара ...

... Чичиков лежал в кресле, постанывая и потирая лодыжку и хихикая ...

КОРОБОЧКА. ... Кругом воры и грабители. Так и норовят нас, бедных и сирых, прижучить и прихаздздать. Как вы сказали, батюшка? Как вас? Чичков? Чичкунов? Чачаков? Как вы сказали?

ЧИЧИКОВ. Чичиков, матушка, Чи-чи-ков.

КОРОБОЧКА. Чичиков? Вот ведь нынче какие фамилии идут на Руси, что только плюнешь, да перекрестишься. Да что ж это за фамилия такая: Чичичиков?!

ЧИЧИКОВ. Да Чичиков я, матушка, Чичиков!!! Эх тебя надирает ...

КОРОБОЧКА. Да в какое это время вас Бог принёс, а?! Сумятица и вьюга такая...

ЧИЧИКОВ. С дороги бы следовало поесть чего-нибудь ...

КОРОБОЧКА. И вот поесть-то ничего нету. Неурожаи, убытки, батюшка, такая беда – не высказать ...

ЧИЧИКОВ. Не беспокойтесь ни о чём, кроме постели. Позвольте спросить, как ваше имя-с?

КОРОБОЧКА. Коллежская секретарша Настасья Петровна Коробочка.

ЧИЧИКОВ. Вы про мою брличку? Ох, не говорите. Коробчонка, самая что ни на есть коробчонка, право же - никуда не годится ... Вот ведь точно, как в той сказочке-небыличке говорится: моя лягушонка в коробчонке едет-трясётся!

КОРОБОЧКА. Какая лягушонка?

ЧИЧИКОВ. Небыличка-сказочка такая.

КОРОБОЧКА. Отец? Фамилия у меня такая: Коробочка. Коллежская секретарша я - Настасья Петровна Коробочка.

ЧИЧИКОВ. Секретарша?

КОРОБОЧКА. Секретарша.

ЧИЧИКОВ. Ах, простите, я думал вы насчет того предмета, что мой Селифан в бричке, как в коробочке ... А впрочем - пустое ...

Помолчали. Настасья Петровна присела напротив и всё рассматривала Чичикова, не делая никаких усилий, чтоб помочь ему привести его грязное платье в порядок.

КОРОБОЧКА. Эй, Фетинья? Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Фетинья?! Тащи сюда перину! Да не ту, что в горнице, а ту, что в сенях, сбоку, за сундуком, да вытряхни ее получше! Какое-то время послал Бог: гром такой, что у меня всю ночь горела свеча перед образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи! Где ты так изволил засалиться?

Пришла Фетинья с периной. Принялась пугливо, с нестерпимой деревенской дуростью, смотреть исподтишка на Чичикова.

ФЕТИНЬЯ. Барыня, оне-с грязные-с.

ЧИЧИКОВ. Еще славу Богу, что только засалился, нужно благодарить Бога, что не отломал я себе совсем своих боков.

КОРОБОЧКА. Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем потереть тебе спину?

ЧИЧИКОВ. Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей девке повысушить и вычистить мое платье.

КОРОБОЧКА. Фетинья! Почисти барину платье!

Фетинья, взбивши перину с обоих боков руками, напустила целый потоп перьев по всей комнате.

Да тихо ты, вот ведь напустила пуху! Ну и ручищи у тебя, как кулаки пудовые! Ты возьми давай ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде просуши их перед огнем, как дельвали покойнику барину, а после перетри и выколоти хорошенько.

ФЕТИНЬЯ. Слушаю, барыня!

КОРОБОЧКА. Да ты поняла или нет?!

ФЕТИНЬЯ. Да что я, такая дура, чтоб не понять?

КОРОБОЧКА. Поговори мне! Делай, что велено!

Фетинья, постилая сверх перины простыню и кладя подушки, недовольно бормотала:

ФЕТИНЬЯ. Оне-с грязные-с, а туда же, куда добрые люди ... Оне-с грязные-с.

ЧИЧИКОВ. Выпить бы чаю для сугрева, а, матушка?

КОРОБОЧКА. Давай, батюшка, спать, набок. Мы тут не привыкли ночами-то разгуливать. Я вот хоть и спать не хочу, а лежу вот, в потолок таращусь.

ЧИЧИКОВ. Отчего же-с?

КОРОБОЧКА. Мысли. Как воши – кусают.

ЧИЧИКОВ. Какие-с?

КОРОБОЧКА. Да вот как я жить буду и так далее. Кругом напасти. Да не нужно ли ещё чего тебе, батюшка? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал тебе на ночь пятки? Покойник мой без этого никак не засыпал.

ЧИЧИКОВ. Какой покойник?

КОРОБОЧКА. Да муж мой, покойник, какой ещё-то покойник? Ну дак как насчёт пяток?

ЧИЧИКОВ. Благодарствую.

КОРОБОЧКА. Болею! Всё поясница болит, и нога, что повыше косточки, так вот и ломит. А вот на правом глазу, глянь-ка - катаракта ... Травками надо, травками. Я-то смазывала свиным салом и скипидаром тоже смачивала.

ЧИЧИКОВ. Правильно. И скипидару не жалейте - пройдет. Мазайте и смачивайте.

КОРОБОЧКА. Мазала. Смачивала. И что толку? Не проходит.

ЧИЧИКОВ. А у вас, матушка, хорошая деревенька. Сколько в ней душ?

КОРОБОЧКА. Душ-то в ней, отец мой, без малого восемьдесят, да беда, времена плохи, вот и в прошлый год был такой неурожай, что Боже ж ты меня сохрани.

ЧИЧИКОВ. Однако ж мужички у вас на вид дюжие, избёнки крепкие.

КОРОБОЧКА. Ведь вы, я чай, заседатель?

ЧИЧИКОВ. Нет, матушка, чай, не заседатель.

КОРОБОЧКА. А чай, кто?

ЧИЧИКОВ. А чай, никто. Так вот, ездим по своим делишкам. Павел Иванович Чичиков я.

КОРОБОЧКА. А-а, так вы покупатель! Как же жаль, право, что я продала мёд купцам так дешёво, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил.

ЧИЧИКОВ. А вот мёду и не купил бы.

КОРОБОЧКА. Что ж другое? Разве пеньку? Да ведь и пеньки у меня теперь маловато: полпуда всего.

ЧИЧИКОВ. Нет, матушка, другого рода товарец: скажите, у вас умирали крестьяне?

КОРОБОЧКА. Ох, батюшка, осьмнадцать человек...

ЧИЧИКОВ. Да что вы говорите?! Какая жалость!

КОРОБОЧКА. Да! И умер такой всё славный народ, все - работники. После того, правда, народилось, да что в них: всё такая мелюзга. А заседатель подъехал - подать, говорит, надо уплачивать с души. Народ мёртвый, а плати, как за живого.

ЧИЧИКОВ. Ведь надо же, а? Как за живого!

КОРОБОЧКА. А на прошлой неделе сгорел у меня кузнец, такой искусный был кузнец и слесарное мастерство знал.

ЧИЧИКОВ. Разве у вас был пожар, матушка?

КОРОБОЧКА. Бог приберёт от такой беды, пожар был бы ещё хуже. Сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось чего-то. Ну, чересчур выпил, да не день и не два пил, а год целый. Такой хороший кузнец был! И вот только синий огонёк пошёл от него, весь истлел, истлел и почернел, как уголь.

ЧИЧИКОВ. Да что вы говорите?!

КОРОБОЧКА. Да! А такой был преискусный кузнец! И теперь мне выехать не на чем: некому лошадей подковать.

ЧИЧИКОВ. На всё воля Божья, матушка! Против мудрости Божией ничего нельзя сказать...

Чичиков, взявши Коробочку за руку, почесал указательным пальцем её ладонь, и выговорил:

Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?

КОРОБОЧКА. Кого, батюшка?

ЧИЧИКОВ. Да вот этих-то всех, что умерли.

КОРОБОЧКА. Да как же тебе уступить их?

ЧИЧИКОВ. Да так просто. Или, пожалуй, продайте.

КОРОБОЧКА. Продать?

ЧИЧИКОВ. Ну да. Я вам за них дам деньги.

КОРОБОЧКА. Да как же? Я, право, в толк-то не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?

ЧИЧИКОВ. Эх вы далеко хватили! Матушка Настасья Петровна, перевод или покупка будет значиться только на бумаге и души будут прописаны как бы живые.

КОРОБОЧКА. Да на что ж они тебе?

ЧИЧИКОВ. Это уж моё дело.

КОРОБОЧКА. Да ведь они ж мёртвые.

ЧИЧИКОВ. Да кто же говорит, что они живые? Потому-то и в убыток вам, что мёртвые: вы за них платите, а теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да ещё сверх того дам вам пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

КОРОБОЧКА. Право, не знаю. Ведь я мёртвых никогда еще не продавала

ЧИЧИКОВ. Ещё бы! Это бы походило на диво, если бы вы их кому-нибудь продали. Или вы думаете, что в них в самом деле есть какой-нибудь прок?

КОРОБОЧКА. Что ж в них за прок, проку никакого нет. Меня только то и затрудняет, что они уже мёртвые.

ЧИЧИКОВ. Ну, баба, кажется, крепколюбая!

КОРОБОЧКА. Что-с?

ЧИЧИКОВ. Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько: ведь вы разоряетесь, платите за них подать, как за живых...

КОРОБОЧКА. Ох, отец мой, и не говори об этом! Ещё третью неделю внесла больше полутора ста рублей. Да заседателя подмаслила.

ЧИЧИКОВ. Ну, видите, матушка. Приходится подмасливать. А зачем вам это надо? А теперь примите в соображение только то, что теперь я плачу за них. Я, а не вы, я принимаю на себя все повинности. Понимаете вы это или нет?

КОРОБОЧКА. Да я вижу, что дело, точно, как будто выгодно, да только уж я сильно побаиваюсь, чтобы как-нибудь не надули вы меня. А купи у меня, батюшка, лучше муку ржаную, а? Такая мука хорошая вышла ...

ЧИЧИКОВ. Нет, увольте. Не надо мне вашей муки!

КОРОБОЧКА. Ну, купи гречневую? Такая мука – загляденье, так гречиха летом цвела и такие пчелы вокруг неё носились, ну – с кулак пчёлы ...

ЧИЧИКОВ. Да не надо мне вашей гречневой муки!

КОРОБОЧКА. Может, тогда, крупы купишь?

ЧИЧИКОВ. Да не куплю!

КОРОБОЧКА. У меня и скотина битая есть. Возьми битой скотины, а?

ЧИЧИКОВ. Да чёрт побери! Да отстаньте вы от меня с вашей скотиной и с мукой! Я вам про другое говорю, а вы опять про своё! Ну дак – как? Договорились, нет? По рукам?

КОРОБОЧКА. Право, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников. Живых-то я уступила, вот и третьего года протопопу двух девок уступила ...

ЧИЧИКОВ. Ну, да не о живых дело. Бог с ними. Я спрашиваю про мёртвых. Вы понимаете меня или нет?

КОРОБОЧКА. Понимаю.

ЧИЧИКОВ. Ну дак отвечайте – что?!

КОРОБОЧКА. А что, и мужа моего, Ивана Петровича Коробочку купишь? Нет! Мужа не продам! Не продам мужа! Мужа – не продам! Сказала – не продам! Не продам мужа! Не продам! Не продам! Нет, и всё – не продам!

ЧИЧИКОВ. Да полно пустое молоть! Куда мне твоего мужа? В огород вместо пугала?! Ну дак, договорились? По рукам?

КОРОБОЧКА. А купи ты лучше у меня птичьи перья? А? Такие перья вышли хорошие, пёрышко к пёрышку подобрала, такие перины будут тебе, такие подушки ...

ЧИЧИКОВ. Да не нужны мне ваши перины и подушки!

КОРОБОЧКА. Да, право, славные перья, отец, купи, - недорого отдам ...

ЧИЧИКОВ. Да что ж за напасть такая, а?! Не нужны мне перья, слышите?! Я вам который час про другое талдычу! Ну дак – по рукам или нет?

КОРОБОЧКА. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того...

ЧИЧИКОВ. Чего – того?!

КОРОБОЧКА. Ну, может - они больше как-нибудь стоят.

ЧИЧИКОВ. Послушайте, матушка... Эх, какие вы! Что ж они могут стоять? Рассмотрите: ведь это прах. Понимаете ли? Это просто прах. Вы возьмите всякую негодную, последнюю вещь, например даже простую тряпку, и тряпке есть цена: её хоть, по крайней мере, купят на бумажную фабрику. А ведь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно? На что?!

КОРОБОЧКА. Уж это, точно, правда. Уж совсем ни на что не нужно. Да ведь меня одно только и останавливает, что ведь они уже - мёртвые.

Чичиков принялся бегать по комнате, хвататься за голову и визгливо кричать:

ЧИЧИКОВ. Да будь ты неладна! Эх её, дубинноголовая какая! Пойди ты сладь с нею! Ведь вот в пот бросила, проклятая старуха! Проклятая, проклятая, проклятая!

КОРОБОЧКА. Да что ж вы, батюшка, так страшно ругаетесь? Пойду я, пойду, уйду, нет!

ЧИЧИКОВ. Сядьте! Сядьте, сказал?! Вы, матушка, или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вам даю деньги, понимаете? Деньги! Пятнадцать рублей ассигнациями! Понимаете ли? Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице.

КОРОБОЧКА. Право, мое такое неопытное вдовье дело! Лучше ж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да я примерюсь к ценам.

ЧИЧИКОВ. Страм, страм, матушка! Просто страм! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто же станет покупать их? Ну, какое употребление он может из них сделать?

КОРОБОЧКА. А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся...

ЧИЧИКОВ. Ну, а куда вы их хотели пристроить? Да, впрочем, ведь кости и могилы - всё вам остается, перевод только на бумаге. Ну, так что же? Как же? Отвечайте? О чём же вы думаете, Настасья Петровна, о чём, о чём?!

КОРОБОЧКА. Право, я все не приберу, как мне быть. Ей-Богу, товар такой странный, совсем небывалый! Давай, отец, сговоримся с тобой на сало – сала у меня много и дешево тебе его продам ...

ЧИЧИКОВ. Да не надо мне сала! Не надо, не надо, не надо!

КОРОБОЧКА. Ну, как не надо? У меня в три пальца толщиной сало ...

ЧИЧИКОВ. Да не надо мне сала! Сала мне вашего не надо! Сала – не надо! Не хочу я сала! Да чтоб вам чёрт сегодня ночью привиделся! Трёхрогий, четырёхрогий, семирогий бес чтоб привиделся вам! Да чтоб он прыгал тут по комнатам с хвостом горящим вокруг вас! Да чтоб вам чёрт, чёрт, чёрт!

КОРОБОЧКА. Ох, не припоминай его, Бог с ним! Еще третьего дня всю ночь мне снился, окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то Бог и наслал его. Такой гадкий привиделся, а рога-то - длиннее бычачьих.

ЧИЧИКОВ. Да я дивлюсь, как они вам десятками-то не снятся! Или сотнями! Или тысячами! Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... Да пропади и околей со всей вашей деревней!.. Пропади, пропади, пропади!

КОРОБОЧКА. Ах, какие ты забранки пригинаешь! Ах, какие забранки!

ЧИЧИКОВ. Да не найдёшь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене и сама не ест сена, и другим не дает! Вот я дурак! А?!

КОРОБОЧКА. Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не прекословила. Вот ведь раскричался.

ЧИЧИКОВ. Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться! Всё! Кончен разговор!

КОРОБОЧКА. Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаций!

Чичиков между тем отирал рукою пот, который в три ручья катился по лицу его. Не веря, повернул голову на Коробочку. Улыбнулся.

ЧИЧИКОВ. Не имеете ли вы в городе какого-нибудь поверенного или знакомого, которого бы могли уполномочить на совершение крепости и всего, что следует?

КОРОБОЧКА. Как же, протопопа, отца Кирилла, сын служит в палате.

ЧИЧИКОВ. Напишите, прошу, к нему доверенное письмо ... Ну, нет. Чтобы избавить вас от лишних затруднений, сам даже возьмусь его сочинить. О, вот уж утро, я и спать не хочу, ехать пора ... Платье мое, поди, высохло у печи, жарко у вас ...

КОРОБОЧКА. Пойду спрошу.

Настасья Петровна быстро вышмыгнула из комнаты. Чичиков отдышался.

ЧИЧИКОВ. Вот ведь до чего довела дубинноголовая, а?! Ведь самая что ни на есть дубинноголовая баба! В пот бросила негодная! А впрочем, чего и сердиться: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит - совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилить. Сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, всё отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены. Эх, уморила как проклятая старуха ... Ну надо же, до чего дубинноголовая, а?!

Чичиков порылся в ящике, достал нужные бумаги.

Настасья Петровна вернулась, принялась издалека всё с такой же опаской следить за гостем.

КОРОБОЧКА. Хорош у тебя ящик, отец мой. Чай, в Москве купил его?

ЧИЧИКОВ. Чай, в Москве. В Москве, чай, матушка.

КОРОБОЧКА. Я уж знала это: там всё хорошая работа. Третьего года сестра моя

привезла оттуда теплые сапожки для детей: такой прочный товар, до сих пор носится.

ЧИЧИКОВ. Подпишите тут и дайте мне маленький списочек мужичков ваших новопреставленных.

КОРОБОЧКА. А я, отец мой, никаких записок и списков не веду. Я знаю их всех наперечёт.

ЧИЧИКОВ. Да неужели память у вас такая свежая, ой - не поверю?

КОРОБОЧКА. Свежая, отец, свежая.

ЧИЧИКОВ. Ну дак диктуйте.

КОРОБОЧКА. Пишите, отец мой. Петр Савельев Неуважай-Корыто.

ЧИЧИКОВ. Неуважай-Корыто? Эх, какой длинный, во всю строку разъехался!

Чичиков, чрезвычайно довольный, принялся, подхихикивая, быстро писать.

КОРОБОЧКА. Савелий Коровий Кирпич.

ЧИЧИКОВ. Да за что ж это его так, Господи?

КОРОБОЧКА. Колесо Иван.

ЧИЧИКОВ. А это почему такой?

КОРОБОЧКА. Банная Байда Тимофей.

ЧИЧИКОВ. Мать честная, баба лесная!

КОРОБОЧКА. Тазик В Полкорыта Иван.

ЧИЧИКОВ. Да вы смеётесь надо мной?

КОРОБОЧКА. Рыдван Разбитый Николай.

ЧИЧИКОВ. Царица Небесная!

КОРОБОЧКА. Савва Не По Рылу Полоротый.

ЧИЧИКОВ. Ну, матушка, надо сказать ...

КОРОБОЧКА. Пробка Степан, Григорий Доезжай Не Доедешь, Еремей Карякин, Никита Волокита, Максим Телятников, Елизавета Воробей ...

ЧИЧИКОВ. Тьфу ты пропасть, это ж баба! Что ж вы мне бабу-то суёте? Баба – не человек. Мне мужиков только надо!

КОРОБОЧКА. А, ну да, Елизавета Воробей – это баба ... Но какая баба была, похлеще всяких мужиков. Подковы голыми руками гнула! Ну, ладно. Тогда: Абакум Фыров.

ЧИЧИКОВ. Что, так и зовут?

КОРОБОЧКА. Так и зовут: Абакум Фыров. Царствие ему небесное ... Вот и вся.

ЧИЧИКОВ. Так звать?

КОРОБОЧКА. Нет, вот и вся. Вот и вся вам - список.

ЧИЧИКОВ. Пречудесно, матушка, пречудесно!

Он сложил в ящик письменные принадлежности и с улыбкой глянул на Настасью Петровну.

О-о-о! Слышу в воздухе завлекательный запах чего-то горячего в масле!

КОРОБОЧКА. Прошу покорно закусить. Это всё Фетинья моя, хоть и побить её надо, но пироги делает завлекательные! Грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками ... Ага! Вот, гляди, припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сняточками ... Вот и пресный пирог с яйцом!

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом, и, съевши тут же с небольшим половиною, похвалил его:

ЧИЧИКОВ. И в самом деле, пирог вкусен. Эх, Савелий Неуважай Корыто! Мастер ли ты был, или просто мужик, и какою смертью тебя прибрало? В кабаке ли, или среди дороги переехал тебя сонного неуклюжий обоз? Выпьем-с, а, Настасья Петровна?

КОРОБОЧКА. А блинков?

ЧИЧИКОВ. И блинков! Однако ж, прикажите заложить мою бричку.

КОРОБОЧКА. Фетинья!

Фетинья принесла Павлу Ивановичу одежду и помогла одеться.

ФЕТИНЬЯ. Оне-с были такие грязные, а теперь ...

Чичиков взял в руки картуз.

ЧИЧИКОВ. Расскажите только мне, как добраться до большой дороги.

КОРОБОЧКА. Как же бы это сделать? Рассказать-то мудрено, поворотов много. Разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила. Ведь у тебя, чай, место есть на козлах, где бы присесть ей.

ЧИЧИКОВ. Как не быть.

КОРОБОЧКА. Пожалуй, я тебе дам девчонку. Она у меня знает дорогу, только ты смотри! Не завези её, у меня уже одну завезли купцы.

ЧИЧИКОВ. За кого вы меня принимаете? Чтобы я с девчонками связывался? Да я человек другой, матушка ... Ну, прощайте. Чмоки мои вам. Чмоки-чмоки-чмоки!

КОРОБОЧКА. А как ваша фамилия, вы сказывали? Чичков?

ЧИЧИКОВ. Чичиков. Чи-чи-ков.

КОРОБОЧКА. Не поняла? Нынче такие фамилии идут на Руси, что только плюнешь, да перекрестишься. Что ж это за фамилия такая: Чикиков?

ЧИЧИКОВ. Чичиков я, Чичиков, дура ты такая! Карр-робочка-а-а! О, великий русский народ! До чего ж вы все тут дубинноголовые! Эх, Русь, тройка, Родина моя дубинноголовая! Эх!

Так бормотал Чичиков, садясь в свою бричку.

КОРОБОЧКА. Дак как тебя, ты сказал? Чичкунов? Чачиков? Чачаков? Чучуков?

ЧИЧИКОВ. Отстань, Корррррробочка. Сама не лучше! Дубинноголовая какая, а?! Гони!

Тут Селифан что-то яростное крикнул коням, и бричка тронулась с места.

Третья картина

НОЗДРЁВ

Дорога, дорога, дорога ... В бричке Чичиков.

ЧИЧИКОВ (*смотрит в окошко*). Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух, летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства. Вперед, Россия! Вперед, Селифан!

Деревянный, потемневший трактир принял Чичикова под свой узенький гостеприимный навес на деревянных выточенных столбиках, похожих на старинные церковные подсвечники. Трактир был что-то вроде русской избы. На ставнях были нарисованы кувшины с цветами.

СТАРУХА. Сюда пожалуйте!

В комнате стоял на столе заиндевший самовар, были выскоблены гладко сосновые стены, треугольный шкаф с чайниками и чашками стоял в углу, фарфоровые вызолоченные яички пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало,

показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку.

ЧИЧИКОВ. Ну что, мать? Поросенок есть?

СТАРУХА. Есть.

ЧИЧИКОВ. С хреном и со сметаной?

СТАРУХА. С хреном и со сметаной.

ЧИЧИКОВ. Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку.

Сама держишь трактир? Есть хозяин? Какой доход от трактира? А сыновья с вами ли живут? А что старший сын - холостой или женатый человек? Какую взял жену, с большим ли приданым или нет? А доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе? А какие тут есть помещики?

СТАРУХА. Сама. Есть. Нету. С нами. Женатый. Доволен. Много. А помещики тут Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков полковник, Собакевич.

ЧИЧИКОВ. А! Собакевича знаешь?

СТАРУХА. И Собакевича, и Манилова. А Манилов будет повеликатней Собакевича: велит тотчас сварить курицу, спросит и телятинки. Коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросит, и всего только что попробует, а Собакевич одного чего-нибудь спросит, да уж зато всё съест, даже и подбавки потребует за ту же цену.

ЧИЧИКОВ. Вот ведь обжора и чревоугодник, а?

Тут в трактир вошли двое каких-то мужчин. Один белокурый, высокого роста, а другой немного пониже, чернявый. Чернявый был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами.

НОЗДРЁВ. Ба, ба, ба! Какими судьбами? Куда ездил? А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нарочно в окно! Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили проклятые, я уже пересел вот в его бричку. Это зять мой Мижухев! Мы с ним всё утро говорили о тебе. Ну, смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова. Ну, брат, если б ты знал, как я продулся! Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов... Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни! Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!

МИЖУЕВ. Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь.

НОЗДРЁВ. Как честный человек говорю, что выпил.

МИЖУЕВ. Ты можешь себе говорить, что хочешь, а я тебе говорю, что и десяти не выпьешь.

НОЗДРЁВ. Ну, хочешь об заклад, что выпью?

МИЖУЕВ. К чему же об заклад?

НОЗДРЁВ. Ну, поставь свое ружье, которое купил в городе.

МИЖУЕВ. Не хочу.

НОЗДРЁВ. Ну, да поставь, попробуй!

МИЖУЕВ. И пробовать не хочу.

НОЗДРЁВ. Да, был бы ты без ружья, как без шапки. Эх, брат Чичиков, как я жалел, что тебя не было! Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод эдакой! Поцелуй меня, душа, смерть люблю тебя! Ты куда теперь едешь?

ЧИЧИКОВ. А я к человечку к одному.

НОЗДРЁВ. Ну, что человечек, брось его! Поедем ко мне!

ЧИЧИКОВ. Нет, нельзя, есть дело.

НОЗДРЁВ. Ну, вот уж и дело! Уж и выдумал! Ах ты Оподелдок Иванович! Послушай, братец: ну к чёрту Собакевича, поедем-ка сейчас ко мне! Каким балыком попотчую! И вот еще: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысяч не отдам, наперед говорю. Эй, Порфирий! Эй, Порфирий! Принеси-ка щенка! Каков щенок!

СТАРУХА. Барин! Ничего не хотите закусить?

НОЗДРЁВ. Ничего. Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть?

СТАРУХА. Анисовая.

НОЗДРЁВ. Ну, давай анисовой.

МИЖУЕВ. Давай уж и мне рюмку!

Здесь он принял рюмку из рук старухи, которая ему за то низко поклонилась. Тут Ноздрёв страшно закричал, увидевши Порфирия, вошедшего с щенком. Порфирий был одет так же, как и барин, в каком-то архалуке, стеганом на вате, но несколько позамаслянней.

НОЗДРЁВ. А, давай его сюда! Давай его, клади сюда на пол! Вот щенок! Ты, однако ж, не сделал того, что я тебе говорил. Ты и не подумал вычесать его?

ПОРФИРИЙ. Нет, я его вычесывал.

НОЗДРЁВ. А отчего же блохи?

ПОРФИРИЙ. Не могу знать. Статься может, как-нибудь из брички поналезли.

НОЗДРЁВ. Врешь, врешь, и не воображал чесать! Я думаю, дурак, еще своих напустил. Вот посмотри-ка, Чичиков, посмотри, какие уши, на-ка пощупай рукою.

ЧИЧИКОВ. Да зачем, я и так вижу: доброй породы!

НОЗДРЁВ. Нет, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

ЧИЧИКОВ *(в угодность ему пощупал уши, примолвивши):* Да, хорошая будет собака.

НОЗДРЁВ. А нос, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою. Настоящий мордаш. Я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его! Послушай, Чичиков, ты должен непременно теперь ехать ко мне. И славно: втроем и покатым!

МИЖУЕВ. Нет, ты уж, пожалуйста, меня-то отпусти, мне нужно домой.

НОЗДРЁВ. Пустяки, пустяки, брат, не пушу.

МИЖУЕВ. Право, жена будет сердиться, теперь же ты можешь пересесть вот в ихнюю бричку.

НОЗДРЁВ. Ни, ни, ни! И не думай! Вздор!

СТАРУХА. За водочку, барин, не заплатили...

НОЗДРЁВ. А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятек! Заплати, пожалуйста. У меня нет ни копейки в кармане.

МИЖУЕВ. Сколько тебе?

СТАРУХА. Да что, батюшка, двугривенник всего.

НОЗДРЁВ. Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно с нее.

СТАРУХА. Маловато, барин.

Бричка Чичикова ехала рядом с бричкой, в которой сидели Ноздрев и его зять, и потому они все

трое могли очень свободно между собою разговаривать в продолжение дороги. За ними следовала, беспрестанно отставая, небольшая колясочка Ноздрева на тощих обывательских лошадях. В ней сидел Порфирий с щенком.

НОЗДРЁВ. У меня была лошадь голубой шерсти. А вторая розовой. Не веришь? Ну и дурак.

МИЖУЕВ. Ну, брат, ты, кажется, уж начал пули лить.

НОЗДРЁВ. Дурак! Голубая была и розовая, понял?!

Между тем три экипажа подкатили уже к крыльцу дома Ноздрева. Ноздрев сразу повел гостей осматривать всё, что было у него на деревне. Пошли они обсматривать конюшню.

Пошли посмотреть мое богатство! Вот, смотри, лошадь. Синей породы. Десять тысяч за нее дал.

МИЖУЕВ. Десяти тысяч ты за него не дал. Она и одной не стоит. И не синяя.

НОЗДРЁВ. Синяя! Ей-богу, дал десять тысяч.

МИЖУЕВ. Ты себе можешь божиться, сколько хочешь. Не синяя.

НОЗДРЁВ. Ну, хочешь, побьемся об заклад! Не хочешь? То-то! А вот, смотри, упадешь! Это - пустые стойла, тут были прежде тоже очень хорошие лошади. Вот, смотри, упадешь! Это - козел, его, по старому поверью, надо держать при лошадях! Он был с ними в ладу, гулял под их брюхами, как у себя дома. Вот, смотри - волчонок! Я его нарочно кормлю сырым мясом. Мне хочется, чтобы он был совершенным зверем! Вот, смотри: пруд - тут водилась рыба такой величины, что два человека с трудом вытаскивали штуку!

МИЖУЕВ. Позволю усомниться.

НОЗДРЁВ. Врешь! И вообще молчи, ты никто, а вот Чичиков человек! Я тебе, Чичиков, покажу отличнейшую пару собак. А вот слепая сука и ее дети! Тут все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница!

Все собаки полетели прямо навстречу гостям и стали с ними здороваться. Штук десять из них положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай, поднявшись на задние ноги, лизнул Чичикова языком в самые губы, так что Чичиков тут же выплюнул.

Пошли дальше! А вот тут скоро будет и кузница! Вот на этом поле русаков такая гибель, что земли не видно. Я сам своими руками поймал одного за задние ноги.

МИЖУЕВ. Ну, русака ты не поймаешь рукою!

НОЗДРЁВ. А вот же поймал, нарочно поймал! Молчи! Теперь я поведу тебя, Чичиков, посмотреть границу, где оканчивается моя земля.

ЧЧИКОВ. Да тут сыро и грязь, не надо!

НОЗДРЁВ. Тихо! Надо, Паша, надо! Вот граница! Всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, вон синее, и всё, что за лесом, всё это мое.

МИЖУЕВ. Да с чего этот лес сделался твоим? Ведь он не был твой.

НОЗДРЁВ. Да я недавно купил его.

МИЖУЕВ. Когда же ты успел его, так скоро, купить?

НОЗДРЁВ. Как же, я еще третьего дня купил, и дорого, чорт возьми, дал.

МИЖУЕВ. Да ведь ты был в то время на ярмарке.

НОЗДРЁВ. Эх ты, Софрон! Разве нельзя быть в одно время и на ярмарке и купить землю? Ну, я был на ярмарке, а приказчик мой тут без меня и купил.

МИЖУЕВ. Да, ну разве приказчик!

НОЗДРЁВ. Пошли в дом! Смотри! Вот сабли! Турецкий кинжал!

МИЖУЕВ. А на нем написано: Мастер Савелий Сибиряков.

НОЗДРЁВ. Молчи! Вот ружье в триста, а другое в восемьсот рублей.

МИЖУЕВ. Не похоже.

НОЗДРЁВ. Вот шарманка. В середине ее что-то случилось: мазурка оканчивается песнею «Мальбруг в поход поехал», а «Мальбруг в поход поехал» вдруг завершается знакомым вальсом. Но это даже лучше! А вот кисет, вышитый графинею, на почтовой станции влюбившеюся в меня по уши, у нее ручки были самый subtilный сюперфлю! А теперь за стол! Вина! Мадеры! Госотерна!

Все долго пили и ели.

МИЖУЕВ. Всё, я поехал.

НОЗДРЁВ. И ни-ни! Не пуцу!

МИЖУЕВ. Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду, ты меня очень обидишь.

НОЗДРЁВ. Пустяки, пустяки! Мы соорудим сию минуту банчишку.

МИЖУЕВ. Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу, жена будет в большой претензии, право, я должен ей рассказать о ярмарке. Нужно, брат, право, нужно доставить ей удовольствие! Нет, ты не держи меня!

НОЗДРЁВ. Ну ее, жену, к...!

МИЖУЕВ. Нет, брат! Она такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие ... Поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня. Поеду.

ЧИЧИКОВ. Пусть его едет: что в нем проку, он пьян!

НОЗДРЁВ. А и вправду! Смерть не люблю таких растепелей! Ну, чорт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!

МИЖУЕВ. Нет, брат, ты не ругай меня фетюком. Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от буквы Фэ, почитаемой неприличною буквою. Я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... До слез разбирает. Спросит, что видел на ярмарке, нужно всё рассказать, такая, право, милая.

НОЗДРЁВ. Ну, поезжай, ври ей чепуху! Вот картуз твой. Пошел вон!

МИЖУЕВ. Нет, брат, тебе совсем не следует о ней так отзываться. Этим ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

НОЗДРЁВ. Ну, так и убирайся к ней скорее!

МИЖУЕВ. Да, брат, поеду, извини, что не могу остаться. Душой рад бы был, но не могу.

Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что сам уже давно сидел в бричке, давно выехал за ворота и перед ним давно были одни пустые поля.

НОЗДРЁВ. Такая дрянь! Потатился! С ним нельзя сойтись. Фетюк, просто фетюк!

Порфирий подал свечи, и Чичиков заметил в руках хозяина неизвестно откуда взявшуюся колоду карт.

А что, брат? Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку!

ЧИЧИКОВ. А! Чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба. У тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?

НОЗДРЁВ. Ну, есть, а что?

ЧИЧИКОВ. Переведи их на меня, на мое имя.

НОЗДРЁВ. А на что тебе?

ЧИЧИКОВ. Ну, да мне нужно.

НОЗДРЁВ. Да на что?

ЧИЧИКОВ. Ну, да уж нужно... Уж это мое дело, словом нужно.

НОЗДРЁВ. Да к чему ж ты не хочешь сказать?

ЧИЧИКОВ. Да что же тебе за прибыль знать? Ну, просто так, пришла фантазия.

НОЗДРЁВ. Купи у меня жеребца, я тебе дам их в придачу.

ЧИЧИКОВ. Помилуй, на что ж мне жеребец?

НОЗДРЁВ. Как на что? Да ведь я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре.

ЧИЧИКОВ. Да на что мне жеребец? Завода я не держу.

НОЗДРЁВ. Да послушай, ты не понимаешь: ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мне после.

ЧИЧИКОВ. Да не нужен мне жеребец, Бог с ним!

НОЗДРЁВ. Ну, купи каурюю кобылу.

ЧИЧИКОВ. И кобылы не нужно.

НОЗДРЁВ. За кобылу и за серого коня возьму я с тебя только две тысячи.

ЧИЧИКОВ. Да не нужны мне лошади!

НОЗДРЁВ. Ну, так купи собак.

ЧИЧИКОВ. Да зачем мне собаки? Я не охотник.

НОЗДРЁВ. Да мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку! Самому обошлась в полторы тысячи. Тебе отдаю за 900 рублей.

ЧИЧИКОВ. Да зачем же мне шарманка? Ведь я не немец, чтобы, тащась с ней по дорогам, выпрашивать деньги!

НОЗДРЁВ. Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орган! Посмотри нарочно: вся из красного дерева. Ладно. Когда ты не хочешь на деньги, так вот что, слушай: я тебе дам шарманку и все, сколько ни есть у меня, мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи.

ЧИЧИКОВ. Ну, вот еще, а я-то в чем поеду?

НОЗДРЁВ. Я тебе дам другую бричку. Вот пойдем в сарай, я тебе покажу ее! Ты ее только перекасишь, и будет чудо бричка.

ЧИЧИКОВ. Эх, как тебя неугомонный бес обуял!

НОЗДРЁВ. Чорта лысого получишь! Даром хотел отдать, но теперь вот не получишь же! С этих пор с тобою никакого дела не хочу иметь. Порфирий, ступай, поди скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, пусть их едят одно сено. Лучше б ты мне просто на глаза не показывался. Ну, так как же думаешь? Не хочешь играть на души?

ЧИЧИКОВ. Я уже сказал тебе, брат, что не играю. Купить, изволь, куплю.

НОЗДРЁВ. Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Ну, послушай, сыграем в шашки. Выиграешь - твои все. Эй, Порфирий, принеси-ка сюда шашечницу.

ЧИЧИКОВ. Изволь, так и быть, в шашки сыграю.

НОЗДРЁВ. Души идут в ста рублях!

ЧИЧИКОВ. Зачем же? Довольно, если пойдут в пятидесяти.

НОЗДРЁВ. Нет, что ж за куш пятьдесят? Лучше ж в эту сумму я включу тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам.

ЧИЧИКОВ. Ну, изволь!

НОЗДРЁВ. По крайней мере, пусть будут мои два хода.

ЧИЧИКОВ. Не хочу, я сам плохо играю.

НОЗДРЁВ. Знаем мы вас, как вы плохо играете!

ЧИЧИКОВ. Давненько не брал я в руки шашек!

НОЗДРЁВ. Знаем мы вас, как вы плохо играете!

ЧИЧИКОВ. Давненько не брал я в руки шашек!

НОЗДРЁВ. Знаем мы вас, как вы плохо играете!

ЧИЧИКОВ. Давненько не брал я в руки!... Э, э! Это, брат, что? Отсади-ка ее назад!

НОЗДРЁВ. Кого?

ЧИЧИКОВ. Да шашку-то. А эта шашка пробирается в дамки. Откуда она взялась? Нет, с тобой нет никакой возможности играть! Этак не ходят, по три шашки вдруг!

НОЗДРЁВ. Отчего ж по три? Это по ошибке. Одна подвинулась нечаянно, я ее отодвину.

ЧИЧИКОВ. А другая-то откуда взялась?

НОЗДРЁВ. Какая другая?

ЧИЧИКОВ. А вот эта, что пробирается в дамки?

НОЗДРЁВ. Вот тебе на, будто не помнишь!

ЧИЧИКОВ. Нет, брат, я все ходы считал и всё помню. Ты ее только теперь пристроил. Ей место вон где!

НОЗДРЁВ. Как, где место? Да ты, брат, как я вижу, сочинитель!

ЧИЧИКОВ. Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно

НОЗДРЁВ. Нет, ты не можешь отказаться. Игра начата!

ЧИЧИКОВ. Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку.

НОЗДРЁВ. Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!

ЧИЧИКОВ. Нет, брат, сам ты врешь!

НОЗДРЁВ. Я не плутовал, а ты отказаться не можешь, ты должен кончить партию!

ЧИЧИКОВ. Этого ты меня не заставишь сделать.

Чичиков хладнокровно смешал шашки. Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага на два назад.

НОЗДРЁВ. Я тебя заставлю играть! Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы. Мы их поставим опять так, как были.

ЧИЧИКОВ. Нет, брат, дело кончено, я с тобою не стану играть.

НОЗДРЁВ. Так ты не хочешь играть?

ЧИЧИКОВ. Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть.

НОЗДРЁВ. Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть?

ЧИЧИКОВ. Не хочу!

НОЗДРЁВ. Порфирий, Павлушка! Где все?

Вошел Порфирий и за ним Павлушка, парень дюжий, с которым иметь дело было совсем невыгодно и еще несколько человек.

НОЗДРЁВ. Так ты не хочешь окончивать партии? Отвечай мне напрямик! А! Так ты не можешь, подлец! Когда увидел, что не твоя берет, так и не можешь! Бейте его, Павлушка. Порфирий! Бейте шашками!

Ноздрев закричал так, что Чичиков стал бледен, как полотно.

Бейте его! Бейте его! Ребята, вперед! Ребята, вперед!

Вдруг звякнули как с облаков звуки колокольчика. Все невольно глянули в окно: кто-то с усами, в полувоенном сюртуке, вылез из телеги и вошел в дом.

КАПИТАН-ИСПРАВНИК. Позвольте узнать, кто здесь господин Ноздрев?

НОЗДРЁВ. Позвольте прежде узнать, с кем имею честь говорить?

КАПИТАН-ИСПРАВНИК. Капитан-исправник.

НОЗДРЁВ. А что вам угодно?

КАПИТАН-ИСПРАВНИК. Я приехал вам объявить сообщенное мне извещение, что вы находитесь под судом до времени окончания решения по вашему делу.

НОЗДРЁВ. Что за вздор, по какому делу?!

КАПИТАН-ИСПРАВНИК. Вы были замешаны в историю по случаю нанесения помещику Максиму личная обиды розгами в пьяном виде.

НОЗДРЁВ. Вы врете, я и в глаза не видал помещика Максимова!

КАПИТАН-ИСПРАВНИК. Милостивый государь! Дозвольте вам доложить, что я офицер. Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне!

Здесь Чичиков, не дожидаясь, что будет отвечать на это Ноздрев, скорее за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо, сел в бричку и велел Селифану погонять лошадей во весь дух.

Картина четвертая

ДОРОГА

Бричка мчалась во всю пропалую, а Чичиков всё еще поглядывал назад со страхом, как бы ожидая, что вот-вот налетит погоня.

ЧИЧИКОВ. Эх, какую баню задал! Смотри ты какой!

Тут много было посулено Ноздреву всяких нелегких и сильных желаний. Попались даже и нехорошие слова. Что ж делать? Русской человек, да еще и в сердцах. К тому же дело было совсем нешуточное.

Что ни говори, а не подоспей капитан-исправник, мне, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть! Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!

СЕЛИФАН. Экой скверной барин! Я еще никогда не видал такого барина. Ты лучше человеку не дай есть, а коня ты должен накормить, потому что конь любит овес. Это его продовольство: что примером нам кошт, то для него овес, он его продовольство.

Ночь на дворе. Остановилась бричка. Смотрит Чичиков в звездное небо. Молчит. Селифан слез на землю и пятится начал в темноту, глаза тараща.

Барин, а что это народу на улицах полно, хоть и ночь зажгла луну на небе и высыпали звезды? Глянь-ка, вылезли из нор какие-то тюрюки и байбаки ... Будто на Страшном суде поднялись из земли обглоданные червями скелеты ... А еще вышел на улицу кто-то, будто Смерть худой, какой-то длинный, длинный, с простреленною рукою - такого высокого роста, какого даже и не видано было. Барин, они бледны, бледны, один другого выше,

один другого костистей, стали вокруг кибитки, того и гляди – растерзают, барин ...

Сбежал Селифан, исчез. Вдруг видит Чмчиков, что один он. Нет Селифана.

ЧИЧИКОВ. Эй, Селифан? Ты где? И какой же русский не любит быстрой езды? Эй, Селифан? Ты где? Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить ... Эй, Селифан? Ты где?

Вдруг увиделось Чичикову, что стоит на горизонте что-то большое, огромное. Двигается на него.

Памятник. Гоголь стоит.

А возле него разные народы, стоят, смотрят на Гоголя. А он не то плачет, не то улыбается.

Все тут. И Коробочка тоже.

ГОГОЛЬ. Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далёка тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!.. Русь! Куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа ...

КОРОБОЧКА. А почем нынче мертвые души?

ГОГОЛЬ. Что, Настасья Петровна, торговала мертвыми душами?

КОРОБОЧКА. Торговала ... Господи, да что ж я наделала-то? Продала мёртвых людей своих ... Петр Савельев Неуважай-Корыто. Колесо Иван. Никита Волокита. Елизавета Воробей ... Зачем я их продала? Кому? Зачем я это сделала? Зачем я это сделала? Зачем?!

Темнота

Занавес

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина пятая

ЧИНОВНИКИ

В комнату набилось вдруг куча людей. Все в каких-то масках, вошли. Внесли гроб с прокурором.

ГУБЕРНАТОР. Я пригласил вас господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие.

ПОЧМЕЙСТЕР. Знаем мы этих генерал-губернаторов! Их, может быть, три-четыре переменится, а я вот уже тридцать лет, судырь мой, сижу на одном месте.

Прокурор встал из гроба и заговорил.

ПРОКУРОР. Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал?

ПОЧМЕЙСТЕР. Помолчите! Продолжайте лежать!

ПРОКУРОР. Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарядит тебе в очи!

ПОЧМЕЙСТЕР. Хватит, сказал!

ГУБЕРНАТОР. Так, так, господин прокурор! И вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух.

ПРОКУРОР. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?

ГУБЕРНАТОР. Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа.

ПРОКУРОР. Чудным звоном заливаются колокольчик! Гремит и становится ветром

разорванный в куски воздух!

ПОЧМЕЙСТЕР. Летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Ну, хватит уже! Хорошо тебе, шпребен зи дейч Иван Андрейч; у тебя дело почтовое. Тебе, разумеется, с пола-горя: у тебя один сынишка. А тут, брат, Прасковью Федоровну наделил бог такую благодатию - что год, то несет: либо Праскушку, либо Петрушу. Тут, брат, другое запоешь.

ПРОКУРОР. Чичиков делатель государственных ассигнаций! А может быть, и не делатель.

ПОЧМЕЙСТЕР. Да он чиновник генерал-губернаторской канцелярии. А впрочем, чёрт его знает, на лбу ведь не прочтешь.

ГУБЕРНАТОР. А не переодетый ли он разбойник? А может и не переодетый.

ПОЧМЕЙСТЕР. Нет, нету буйности. А может и есть.

ПРОКУРОР. Знаете ли, господа, кто это?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Кто?

ПРОКУРОР. Переодетый Наполеон. Его выпустили с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков. А может, Чичиков.

ПОЧМЕЙСТЕР. Как с быком ни биться, а всё молока от него не добиться. Конечно, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона. А может, и не сдает.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Я служил в кампанию 12 года и лично видел Наполеона. Он был не слишком толст, однако ж и не так чтобы тонок. А может быть, и тонок.

ПРОКУРОР. А может, и не может.

СОБАКЕВИЧ. Да он масон. Мошенник, каких свет не видывал. Дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, идиот, козел, фетюк и тварь последняя.

ГУБЕРНАТОР. А может, и нет?

СОБАКЕВИЧ. А может и да.

МАНИЛОВ. Грубовато, но точно. Он как только ко мне приехал, я сразу о том же подумал, что и вы. А он говорит: построим мост, мост стеклянный через речку и будем ходить друг к другу ...

МАНИЛОВА. А я мужу сразу сказала: какой мост? Что это за маниловщина?

МАНИЛОВ. Он дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, идиот, козел, фетюк и тварь последняя.

ВСЕ. Фетюк! Фетюк! Фетюк!

Картина шестая

Собакевич

Скоро показавшаяся деревня Собакевича рассеяла мысли Чичикова. На крыльцо вышел сам хозяин. Вошли в дом.

СОБАКЕВИЧ. Прошу. *(Наступил на ногу Чичикову)*. Не побеспокоил ли я вас?

ЧИЧИКОВ. Нет-с. Ничего-с. А ваше как здоровье, господин Собакевич?

СОБАКЕВИЧ. Слава богу, не пожалуюсь.

ЧИЧИКОВ. Точно. Не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять.

СОБАКЕВИЧ. Мы, Собакевичи, всегда славились здоровьем, и покойный мой батюшка был также крепкий человек. Да, на медведя один хаживал. Я бы тоже повалил медведя, если бы захотел выйти против него. Или – нет. Нет, не повалою, покойник был меня крепче. Нет, теперь не те люди. Вот хоть и моя жизнь, что за жизнь? Так как-то себе...

ЧИЧИКОВ. Чем же ваша жизнь не красна?

СОБАКЕВИЧ. Нехорошо, нехорошо. Вы посудите, Павел Иванович: пятый десяток живу, ни разу не был болен. Хоть бы горло заболело или чирей выскочил... Нет, не к добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это. Это моя Феодулия Ивановна!

ЧИЧИКОВ. Приятно-с.

Чичиков подошел к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти впихнула ему в губы, причем он имел случай заметить, что руки были вымыты огуречным рассолом.

СОБАКЕВИЧ. Душенька, рекомендую тебе, Павел Иванович Чичиков! У губернатора и почтмейстера имел честь познакомиться.

ФЕОДУЛИЯ ИВАНОВНА *(держит голову прямо, как пальма)*. Прошу!

Она сделала движение головою, подобно актрисам, представляющим королев. Затем она уселась на диване, накрылась своим мериносовым платком и уже не двинула более ни глазом, ни бровью, ни носом.

ЧИЧИКОВ. Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича в прошедший четверг. Очень приятно провели там время. А прекрасный человек!

СОБАКЕВИЧ. Кто?

ЧИЧИКОВ. Председатель.

СОБАКЕВИЧ. Ну, может быть, это вам так показалось: он только что масон, а такой дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, фетюк и тварь, какого свет не производил.

ЧИЧИКОВ. Ну, всякой человек не без слабостей, но зато губернатор! Какой превосходный человек! Не правда ли?

СОБАКЕВИЧ. Первый разбойник в мире! Дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, фетюк и тварь последняя.

ЧИЧИКОВ. Губернатор - разбойник? Но позвольте, поступки его совершенно не такие. Напротив, скорее даже мягкости в нем много. А в доказательство: он ведь делает кошельки, вышивает его собственными руками. И лицо ласковое.

СОБАКЕВИЧ. И лицо разбойничье! Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу, зарежет, за копейку зарежет! Скотина распоследняя. Он да еще вице-губернатор - это Гога и Магога.

ЧИЧИКОВ. Впрочем, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый. В лице видно что-то простосердечное.

СОБАКЕВИЧ. Мошенник! Дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, идиот, козел, фетюк и тварь последняя. Продаст, обманет, еще и пообедает с вами! Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья. К тому же дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, идиот, козел, фетюк и тварь последняя.

ФЕОДУЛИЯ ИВАНОВНА. Что ж, душенька, пойдем обедать.

СОБАКЕВИЧ. Прошу!

Небольшой стол был накрыт на три прибора. Принялись есть, чавкать с жадностью.

Щи, моя душа, сегодня хороши! Вот, хлебнувши щей и отваливши кусок няни – кстати, она из бараньего желудка, с гречневой кашей, мозгом и ножками – вот, и поговорить можно. Эдакой няни вы не будете есть в городе, там вам чёрт знает что подадут!

ЧИЧИКОВ. У губернатора, однако ж, недурен стол.

СОБАКЕВИЧ. Да знаете ли, из чего всё это готовится? Вы есть не станете, когда узнаете.

ЧИЧИКОВ. Не знаю, как готовится, об этом я не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны.

СОБАКЕВИЧ. Это вам так показалось. Я знаю, что они на рынке покупают. Купит каналья повар кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца. Потому что повар у них дурак, скотина, свинья, подлец, гнида, идиот, козел, фетюк и тварь последняя.

ФЕОДУЛИЯ ИВАНОВНА. Фу! Какую ты неприятность говоришь!

СОБАКЕВИЧ. А что ж, душенька, я не виноват, так у них у всех делается. Всё, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! Да в суп! Туда его!

ФЕОДУЛИЯ ИВАНОВНА. Ты за столом всегда эдакое расскажешь!

СОБАКЕВИЧ. Что ж, душа моя, если б я сам это делал, но я тебе прямо в глаза скажу, что я гадостей не стану есть. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. У меня когда свинина, всю свинью давай на стол. Баранина - всего барана тащи, гусь - всего гуся!

Собакевич опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел всё, обгрыз, обсосал до последней косточки.

ЧИЧИКОВ. Да, у вас губа не дура. Но я хотел было поговорить с вами об одном дельце.

ФЕОДУЛИЯ ИВАНОВНА. Вот еще варенье! Редька, вареная в меду!

СОБАКЕВИЧ. А вот мы его после! Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленечко приотдохнем!

ФЕОДУЛИЯ ИВАНОВНА. А послать за пуховиками и подушками?

СОБАКЕВИЧ. Ничего, мы отдохнем в креслах.

Собакевич слегка принагнул голову, приготовляясь слышать, в чем было дельце.

ЧИЧИКОВ. Я хотел коснуться вообще всего русского государства и отозваться с большою похвалою об его пространстве, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются...

СОБАКЕВИЧ. Вам нужно мертвых душ?

ЧИЧИКОВ *(открыл рот от удивления)*. Да. Несуществующих.

СОБАКЕВИЧ. Найдутся, почему не быть...

ЧИЧИКОВ. А если найдутся, то вам, без сомнения... Будет приятно от них избавиться?

СОБАКЕВИЧ. Извольте, я готов продать.

ЧИЧИКОВ. Ишь, как! Вы уж продаете, а я еще и не заикнулся! А, например, как же цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...

СОБАКЕВИЧ. Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку!

ЧИЧИКОВ. По сту?!

СОБАКЕВИЧ. Что ж, разве это для вас дорого? А какая бы, однако ж, ваша цена?

ЧИЧИКОВ. Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга,

позабыли, в чем состоит предмет. Я полагаю со своей стороны, положи руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!

СОБАКЕВИЧ. Эх куда хватили, по восьми гривенок!

ЧИЧИКОВ. Что ж, по моему суждению, как я думаю, больше нельзя.

СОБАКЕВИЧ. Ведь я продаю не лапти.

ЧИЧИКОВ. Однако ж, согласитесь сами: ведь это тоже и не люди.

СОБАКЕВИЧ. Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?

ЧИЧИКОВ. Но позвольте: зачем вы их называете ревизскими, ведь души-то самые давно уже умерли, остался один не осязаемый чувствами звук. Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дам, а больше не могу.

СОБАКЕВИЧ. Стыдно говорить такую сумму! Вы говорите настоящую цену!

ЧИЧИКОВ. Не могу, Михаил Семенович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать. Прибавлю полтинку.

СОБАКЕВИЧ. Да чего вы скупитесь? Право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души. А у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! Ведь только рессорные экипажи делал. И обобьет, и лаком покроет!

ЧИЧИКОВ. А Михеева, однако же, давно нет на свете.

СОБАКЕВИЧ. А Пробка Степан, плотник? Ведь что за силища была! Служи он в гвардии, ему бы Бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом!

ЧИЧИКОВ. Пробки нет на свете! Нет, больше двух рублей я не могу дать.

СОБАКЕВИЧ. Извольте, по семидесяти пяти рублей за душу.

ЧИЧИКОВ. Что вы, в самом деле, за дурака, что ли, принимаете меня? Ведь предмет просто: фу-фу. Что ж он стоит? Кому нужен?

СОБАКЕВИЧ. Да, вот, вы же покупаете, стало быть, нужен. Вам понадобились души, я и продаю вам, и будете раскаиваться, что не купили.

ЧИЧИКОВ. Два рублика.

СОБАКЕВИЧ. Эх, право, затвердила сорока Якова одно про всякого. Вы давайте настоящую цену!

ЧИЧИКОВ. Ну, уж чорт побери! Извольте, по полтине прибавлю собаке на орехи.

СОБАКЕВИЧ. Ну, извольте, и я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей! Право, убыток себе, дешевле нигде не купите такого хорошего народа!

ЧИЧИКОВ. Да я в другом месте нипочем возьму.

СОБАКЕВИЧ. Ну, бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе!

ЧИЧИКОВ. Нет, я вижу, вы не хотите продать. Прощайте!

СОБАКЕВИЧ. Позвольте, позвольте! Прошу, я вам что-то скажу.

ЧИЧИКОВ. К чему беспокойство, я сказал - всё.

СОБАКЕВИЧ. Позвольте, позвольте!

Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, ибо герой наш позабыл поберечься, в наказание за что должен был зашипеть и подскочить на одной ноге.

Прошу прощения! Я, кажется, вас побеспокоил. Пожалуйста, садитесь сюда! Прошу!

ЧИЧИКОВ. Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить.

СОБАКЕВИЧ. Посидите одну минуточку, я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово. Хотите угол?

ЧИЧИКОВ. То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю.

СОБАКЕВИЧ. Какая ж будет ваша последняя цена?

ЧИЧИКОВ. Два с полтиною.

СОБАКЕВИЧ. У вас душа человеческая все равно, что пареная репа. Уж хоть по три рубли дайте!

ЧИЧИКОВ. Не могу.

СОБАКЕВИЧ. Ну, что с вами делать? Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему.

ЧИЧИКОВ. Тогда дайте списочек крестьян.

Собакевич тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

Эк наградил-то тебя Бог! Вот уж, точно, как говорят, неладно скроен, да крепко шит! Родился ли ты уж так медведем или омедведила тебя захолустная жизнь? Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да скажет: «Дай-ка себя покажу!». Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно...

СОБАКЕВИЧ. А женского пола не хотите?

ЧИЧИКОВ. Нет, благодарю.

СОБАКЕВИЧ. Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку.

ЧИЧИКОВ. Нет, в женском поле не нуждаюсь.

СОБАКЕВИЧ. Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона: кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица.

ЧИЧИКОВ. Так-с. Прощайте.

СОБАКЕВИЧ. А вы куда-с теперь-с?

Когда бричка выехала со двора, Чичиков оглянулся назад и увидел, что Собакевич всё еще стоял на крыльце и, как казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поедет.

ЧИЧИКОВ. В город. Прощайте!

СОБАКЕВИЧ. Прощайте, прощайте!

ЧИЧИКОВ. Подлец, до сих пор еще стоит!

Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу.

Эй, борода! А как проехать отсюда к Плюшкину, так, чтоб не мимо господского дома? Что ж, не знаешь?

МУЖИК. Нет, барин, не знаю.

ЧИЧИКОВ. Эх ты! А и седым волосом еще подернуло! Скрыгу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?

МУЖИК. А! Заплатанной, заплатанной! Хрен заплатанный! Ну, ну, заплатанный хрен! К

хрену заплатанному туда, прямо!

Чичиков рассмеялся, и бричка его поехала по пыльной дороге.

Картина седьмая

ОПЯТЬ КОРОБОЧКА

Тут по ступенькам крыльца застучали каблучки, и в комнату вбежала **Софья Ивановна**, дама приятная во всех отношениях.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Чмоки мои вам, Анна Григорьевна! Чмоки-чмоки-чмоки! Что, что произошло, не томите?! Скорее, скорее!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Сюда, сюда, Софья Ивановна, вот в этот уголочек! Вот так! Вот так! Вот вам и подушка!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да что случилось? Прибежала Палашка, пена изо рта, говорит: бегите, барыня умирает, бледная, как смерть, кричит, орёт, призывает вас к себе, ну, что, что, не томите, Христа ради?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Как же я рада, что вы тут! И вам мои чмоки! Я слышу, кто-то подъехал, да думаю себе, кто бы мог так поздно? Ну, думаю – вице-губернаторша, думаю: «Ну вот, опять приехала, дура, надоедать». И уж хотела сказать, что меня нет дома ... И забыла я от этих событий, что я Палашку посылала за вами! Пойдите! Какой весёленький на вас ситец!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да, очень весёленький. Ну, не томите, что, что, говорите?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Послушайте, Софья Ивановна, только – сядьте, а то упадёте. Итак. Вот. Вот перед вами доказательство. Вот это вот - Настасья Петровна. Коробочка. Фамилия у нее такая. Она сейчас вообще в апоплексическом ударе от всех событий, не обращайтесь на неё внимания, а слушайте меня ...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Нет, Анна Григорьевна! Пока не забыла – я вам скажу! Сначала послушайте вы меня, послушайте, что я вам скажу, потому что дело не терпит отлагательств! И я сама хотела было к вам ехать сообщить важную новость, такую новость, что вы сами сядьте, а то упадёте. Хотела ехать к вам, а тут как раз прибегает Палашка.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что ж такое?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Дело в том – Боже, у меня сердце сейчас выскочит из груди! - дело в том, что Прасковья Фёдоровна, губернаторша наша, однако же, находит, что лучше, если бы клеточки на платьях были помельче, и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые! Вы представляете себе?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Это что, шутка такая? Софья Ивановна, вы в себе?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. В себе, в себе! Какие шутки? Сестре её прислали материйку: это такое очарованье, которого просто нельзя выразить словами! Вообразите себе: полосочки узенькие-узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полосу все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Глазки и лапки?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да! Глазки и лапки! Словом, бесподобно! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете. Ну, какова новость?! Что вы об этом думаете?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Милая, это пёстро.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, нет, не пёстро.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, пёстро!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ну ладно. Будь по-вашему. Тогда слушайте вот ещё новость. Вот сейчас-то вы точно упадёте. Поздравляю вас: оборок более не носят.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Как оборок – не носят? Что значит – не носят? Как - не носят? Что вы такое вообразили, что вы такое говорите?!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. На место их - фестончики.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Это не может быть. Это нехорошо - фестончики!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Может! Может быть такое, оказывается! Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу - фестончики, везде - фестончики.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Нехорошо, Софья Ивановна, если всё фестончики. Это ужасная новость. Я бледна. Палашка, посмотри, я бледна?

ПАЛАШКА. Барыня, вы бледны.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Я посмотрю в зеркало. Да, я бледна. Мне нехорошо. Я совсем бледна.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Напрасно бледнеете, Анна Григорьевна. Это мило. Мило, Анна Григорьевна, до невероятности! Шьётся в два рубчика: широкие проймы и сверху ... Но вот, вот когда вы изумитесь, вот уж когда скажете, что ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да что, что?! Вы меня в могилу сведёте своими новостями!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннее, впереди мыском, и передняя косточка совсем выходит из границ. А юбка вся собирается вокруг, как, бывало, в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бель-фам.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ну уж это просто: признаюсь! Моветон, вот что это, признаюсь.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Именно, это уж, точно, признаюсь.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Уж как вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Я сама тоже ... Право, как вообразишь, до чего иногда доходит мода ... Ну, ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку - нарочно для смеху. Меланья моя принялась шить.

Пауза.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Так у вас разве есть выкройка?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Как же, сестра привезла.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вот – здрастье.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Вот – здрастье.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Душа моя, дайте её мне ради всего святого.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне. Разве после неё.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Что?! Кто ж станет носить после Прасковьи Федоровны? Это уже слишком странно будет с вашей стороны, если вы чужих предпочтёте своим.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да ведь она тоже мне двоюродная тётка.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Она вам тётка ещё Бог знает какая: с мужниной стороны ... Нет, я и слышать не хочу, это выходит: вы мне хотите нанести такое оскорбление ... Видно, я вам наскучила уже, видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство, да?

СОФЬЯ ИВАНОВНА (*негромко*). Господи, между каких сильных огней я себя поставила! Вот тебе и похвасталась! (*Вслух*). Ладно. Скажите мне другое. Ну, что ж наш прелестник?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Боже мой! Ведь вы не знаете, зачем я вас вызвала?!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его, а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да послушайте только, что я вам открою ...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него ... Самый неприятный нос!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Позвольте же, позвольте же только рассказать вам ... Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар ...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Какая же история?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Настасья Петровна не даст соврать, она такое рассказывает ...

КОРОБОЧКА. Да, он - мёртвые души ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Слушайте только, что рассказала Настасья Петровна! Приехал к ней и говорит, они не мёртвые души, это моё, говорит, дело знать, мёртвые ли они, или нет, они не мёртвые, не мёртвые, кричит, не мёртвые!

КОРОБОЧКА. Словом, скандалёзу наделал ужасного.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да, да! Ринальдо Ринальдини! Вы представляете, вся деревня сбежалась, ребёнки плачут, все кричит, никто никого не понимает, ну просто - оррьр, оррьр, оррьр!..

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Оррьрр, оррьр, оррьрр?!

КОРОБОЧКА. Вот именно-с! Оррьр, оррьр, оррьр!..

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вот именно-с! Оррьр, оррьр, оррьр!..

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Оррьрр, оррьр, оррьрр?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Дак знаете, что это значит?! Ведь он хочет увезти губернаторскую дочку, вот что!

Немая сцена.

Картина восьмая

Плюшкин

Всё так же едет бричка по дороге. И что-то совсем загрузил Павел Иванович. Совсем лирическое настроение у него в душе.

ЧИЧИКОВ. Эх, Русь! Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность. Моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть! Проснулся: пять станций убежало назад, луна, неведомый город, церкви со старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями, темные бревенчатые и белые каменные дома. Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; косяками пересекают их черные, как уголь, тени; подобно сверкающему металлу, блистают вкось озаренные деревянные крыши, и нигде ни души - всё спит. Один-одинешенек, разве где-нибудь в окошке брезжит огонек; мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке - что до них? А ночь! Небесные силы! Какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!..

Чичиков въехал в средину обширного села, с множеством изб и улиц. Показался господский дом. У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот. На голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы. Только голос показался ему несколько сиплым для женщины. Баба ругалась на мужика.

Да кто это там, баба, нет? Вроде, мужик? Да нет! Конечно, баба!

Фигура, со своей стороны, глядела на него тоже пристально.

ПЛЮШКИН. Чего надо?

ЧИЧИКОВ. Послушай, матушка, судя по твоим ключам и по твоим поносным словам, ты ключница. А что, где барин?

ПЛЮШКИН. Нет дома. А что нужно?

ЧИЧИКОВ. Есть дело.

Чичиков вступил в комнату. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромодили всю мебель. С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон, в котором сидит червяк.

Пока он рассматривал всё странное убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе.

Дак что ж барин? У себя, что ли?

ПЛЮШКИН. Да здесь хозяин.

ЧИЧИКОВ. Где же, матушка?

ПЛЮШКИН. Что, батюшка, слепы, что ли? Эх-ва! А вить хозяин-то - я!

Если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош.

ЧИЧИКОВ. Ишь ты, прореха на теле человечества ...

ПЛЮШКИН. Ась?

ЧИЧИКОВ. Нет, нет, я так. Я, наслышась об экономии и редком управлении имениями, почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбредает мне на ум. Добродетель и редкие свойства души можно бы с успехом заменить словами: экономия и порядок, но – почтение ...

ПЛЮШКИН. А побрал бы тебя чёрт с твоим почтением! Прошу покорнейше садиться! Я давненько не вижу гостей, да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения... Да и лошадей их корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь.

ЧИЧИКОВ. Вон оно как! Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку да ломоть бараньего бока.

ПЛЮШКИН. И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клочок в целом хозяйстве! Да и в самом деле, как побережешь его? Землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... Того и гляди, пойдешь на старости лет по миру!

ЧИЧИКОВ. Мне, однако же, сказывали, что у вас более тысячи душ.

ПЛЮШКИН. А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали бы в глаза тому, который это сказывал! Он, пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Вот бают, тысячи душ, а подит-ка сосчитай, а и ничего не начтешь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.

ЧИЧИКОВ. Скажите! И много выморила?

ПЛЮШКИН. Да, снесли многих.

ЧИЧИКОВ. А позвольте узнать: сколько числом?

ПЛЮШКИН. Душ восемьдесят.

ЧИЧИКОВ. Нет?

ПЛЮШКИН. Не стану лгать, батюшка.

ЧИЧИКОВ. Позвольте еще спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?

ПЛЮШКИН. Это бы еще слава богу, да лих-то, что с того времени до ста двадцати наберется.

ЧИЧИКОВ. Вправду? Целых сто двадцать?

ПЛЮШКИН. Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу!

ЧИЧИКОВ. Соболезную.

ПЛЮШКИН. Да ведь соболезнование в карман не положишь. Вот возле меня живет капитан, чёрт знает его откуда взялся, говорит, родственник: «Дядюшка, дядюшка!» и в руку целует, а как начнет соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пеннику, чай, насмерть придерживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!

ЧИЧИКОВ. Мое соболезнование совсем не такого рода, как капитанское. Я не пустыми словами, а делом готов доказать его, и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявляю готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями.

ПЛЮШКИН. Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

ЧИЧИКОВ. Нет, служил по статской.

ПЛЮШКИН. По статской? Да ведь как же? Ведь это вам-то самим в убыток?

ЧИЧИКОВ. Для удовольствия вашего готов и на убыток.

ПЛЮШКИН. Ах, батюшка! Ах, благодетель ты мой! Вот утешили старика! Ах, господи ты мой! Ах, святители вы мои!.. Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякой год беретесь платить за них, что ли? И деньги будете выдавать мне или в казну?

ЧИЧИКОВ. Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

ПЛЮШКИН. Да, купчую крепость... Ведь вот купчую крепость - всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводку круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь.

ЧИЧИКОВ. Ну, ты, я думаю, устоишь! Из уважения к вам я готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

ПЛЮШКИН. Всех вам всяких утешений не только вам, но даже и деткам вашим ...

ЧИЧИКОВ. Вы и не спросите были ли они у меня?

ПЛЮШКИН. Эй, Прошка!

Вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги.

ЧИЧИКОВ. Экие у него сапоги!

ПЛЮШКИН. Из экономии, сударь. Одни сапоги на всех стоят в сенях. Вот посмотрите, батюшка, какая рожа! Глуп ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет! Ну, чего ты пришел, дурак, скажи, чего? Поставь самовар, слышишь, да вот возьми ключ, да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую: там на полке есть сухарь из кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его к чаю!.. Прощка, слухай, гость совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина! О, какой же ты дурачина!.. Чего улепетываешь? Бес у тебя в ногах, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде: сухарь-то сверху, чай, испортился, так пусть соскоблит его ножом, да крох не бросает, а снесет в курятник.

ПРОШКА. А?

ПЛЮШКИН. Да смотри ты, ты не входи, брат, в кладовую, не то я тебя, знаешь! Березовым-то веником, чтобы для вкуса-то! Вот у тебя теперь славный аппетит, так чтобы еще был получше! Вот попробуй-ка пойди в кладовую, а я тем временем из окна стану глядеть.

ПРОШКА. А?

ПЛЮШКИН. Им ни в чем нельзя доверять. Прощка, ведь чёрт его знает, может быть, он просто хвастун, как все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы поговорить да напиться чаю, а потом и уедет!

ПРОШКА. А?

ПЛЮШКИН. Иди уже вон витсиля! Недурно бы, батюшка, совершить купчую поскорее, потому что-де в человеке не уверен: сегодня жив, а завтра и бог весть.

ЧИЧИКОВ. А давайте списочек всех крестьян.

ПЛЮШКИН. Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили! Народ, такие воры! А вот разве не это ли он? Вот он в какой пыли, как в фуфайке. Еще покойница делала. Мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькой я вам налью рюмочку.

ЧИЧИКОВ. Благодарствую, я уже и пил и ел.

ПЛЮШКИН. Пили уже и ели?! Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он и не ест, а сыт. А как эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Ведь вот капитан: придет: «Дядюшка, говорит, дайте чего-нибудь поесть!». А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. У себя дома есть, верно, нечего, так вот он и шатается! Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунеядцев? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтобы при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть.

Плюшкин надел очки и стал рыться в бумагах. Развязывая всякие связки, он попотчевал своего гостя такою пылью, что тот чихнул.

ЧИЧИКОВ. Пыли-то у вас, батюшка ...

ПЛЮШКИН. Ну вот они. И Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже Григорий Доезжай-не-доедешь. Всех было сто двадцать с лишком.

Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности и быстренько спрятал бумажку в карман.

ЧИЧИКОВ. Вам бы надо для совершения крепости приехать в город ...

ПЛЮШКИН. В город? Да как же?.. А дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так оберут, что и кафтана не на чем будет повесить.

ЧИЧИКОВ. Так не имеете ли кого-нибудь знакомого?

ПЛЮШКИН. Да кого же знакомого? Все мои знакомые перемерли или раззнакомились. Ах, батюшки! Как не иметь, имею! Ведь знаком сам председатель, ездил даже в старые годы ко мне, как не знать! Однокорытниками были, вместе по заборам лазили! Как не знакомый? Уж такой знакомый! Так уж не к нему ли написать?

ЧИЧИКОВ. И конечно, к нему.

ПЛЮШКИН. Как же, уж такой знакомый! В школе были приятели. Лежала на столе четвертка чистой бумаги, да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такие негодные! Мавра! А Мавра!

На зов явилась женщина с тарелкой в руках, на которой лежал сухарь.

ПЛЮШКИН. Куда ты дела, разбойница, бумагу?

МАВРА. Ей-богу, барин, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку.

ПЛЮШКИН. А вот я по глазам вижу, что подтибрила.

МАВРА. Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку с ней никакого, я грамоте не знаю.

ПЛЮШКИН. Врешь, ты снесла пономаренку: он маракует, так ты ему и снесла.

МАВРА. Да пономаренок, если захочет, так достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка!

ПЛЮШКИН. Вот погоди-ка: на страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками! Вот посмотришь, как припекут!

МАВРА. Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвертки? Уж скорее в другой какой бабьей слабости, а воровством меня еще никто не попрекал.

ПЛЮШКИН. А вот черти-то тебя и припекут! Скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!», да горячими-то тебя и припекут!

МАВРА. А я скажу: не за что! Ей-Богу, не за что, не брала я... Да вон она лежит на столе. Всегда понапраслиной попрекаете!

ПЛЮШКИН. Ну, что ж ты расходишься так? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она уж в ответ десяток! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свечу, сало дело топкое: стгорит - да и нет, только убыток. А ты принеси-ка мне лучинку! Эх, нельзя ли отделить от четвертинку еще осьмушку? Нет, никак, никак нельзя. А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля, которому бы понадобились беглые души?

ЧИЧИКОВ. А у вас есть и беглые?

ПЛЮШКИН. В том-то и дело, что есть. Зять делал выправки: говорит, будто и след простыл, но ведь он человек военный: мастер притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам...

ЧИЧИКОВ. А сколько их будет числом?

ПЛЮШКИН. Да десятков до семи тоже наберется.

ЧИЧИКОВ. Нет?

ПЛЮШКИН. А, ей-Богу, так! Ведь у меня что год, то бегут. Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего... А уж я бы за них что ни дай, взял бы. Так посоветуйте вашему приятелю-то: отыщись ведь только десяток, так вот уж у него славная денюга. Ведь ревизская душа стоит в пятистах рублях.

ЧИЧИКОВ. Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим. Но раз уже вы действительно так стиснуты, то, будучи подвигнут участием, я готов дать... Но это такая безделица, о которой даже не стоит и говорить.

ПЛЮШКИН. А сколько бы вы дали?

ЧИЧИКОВ. Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу.

ПЛЮШКИН. А как вы покупаете, на чистые?

ЧИЧИКОВ. Да, сейчас деньги.

ПЛЮШКИН. Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек.

ЧИЧИКОВ. Почтеннейший! Не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы! с удовольствием заплатил бы, потому что вижу - почтенный, добрый старик терпит по причине собственного добродушия.

ПЛЮШКИН. А, ей-богу, так! Ей-Богу, правда! Всё от добродушия.

ЧИЧИКОВ. Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет. По пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась таким образом в тридцать копеек.

ПЛЮШКИН. Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копеечки пристегните.

ЧИЧИКОВ. По две копеечки пристегну, извольте. Сколько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят?

ПЛЮШКИН. Нет. Всего наберется семьдесят восемь.

ЧИЧИКОВ. Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет ... Это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек!

ПЛЮШКИН. Да ты, батюшка, в арифметике силен.

ЧИЧИКОВ. Пишите расписку, вот деньги.

ПЛЮШКИН. Спрячу сюда. Вот. А больше не могу найти материи, о чем говорить. А что, вы уж собираетесь ехать?

ЧИЧИКОВ. Да, мне пора!

ПЛЮШКИН. А чайку?

ЧИЧИКОВ. Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время.

ПЛЮШКИН. Как же, а я приказал самовар. Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прошка! Не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я уже снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог! А письмо-то председателю вы отдайте. Да! Пусть прочтет, он мой старый знакомый. Как же! Были с ним однокорытниками!

Засим старичишка проводил Чичикова со двора. Оставшись один, он даже подумал о том, как бы и чем возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспримерное великодушие.

ЧИЧИКОВ. Прощайте!

ПЛЮШКИН. Я ему подарю, карманные часы: они ведь хорошие, серебряные часы, а не то чтобы какие-нибудь томпаковые или бронзовые, немножко поиспорчены, да ведь он себе переправит; он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте! Или нет, лучше я оставлю их ему после моей смерти, в духовной, чтобы вспоминал обо мне.

Но Чичиков и без часов был в самом веселом расположении духа, пел, трясясь в своей бричке.

СЕЛИФАН. Вишь ты, как барин поет!

ЧИЧИКОВ. В дорогу! В дорогу! Прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг окунемся в жизнь ... Эх, жизнь! Эх, Россия, Родина моя! До чего же всё зачудительно! До чего же люблю я эти перелески и пригорки, этих великих русских людей! Да гони ты, Селифан, скотина эдакая, не любишь ты, что ли, быстрой езды?!

Картина девятая

ОПЯТЬ КОРОБОЧКА

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст. Вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Вот это – да!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, Боже мой! Уж этого я бы никак не могла предполагать.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. А я, признаюсь, как только вы открыли рот, я уже смекнула, в чём дело. Но каково же после этого, Анна Григорьевна, институтское воспитание!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ведь невинность!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Какая невинность! Я слыхала, как она говорила такие речи, что, признаюсь, у меня не станет духа произнести их. Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла, наконец, безнравственность.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. А мужчины от неё без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней ... Манерна нестерпимо.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, она статуя, и хоть бы какое-нибудь выражение в лице.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, как манерна! Ах, как манерна! Боже, как манерна! Кто выучил её, я не знаю, но я еще не видывала женщины, в которой бы было столько жеманства!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Душенька! Она статуя и бледна как смерть!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, что это вы, Анна Григорьевна: она мел, мел, чистейший мел!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Милая, я сидела возле нее: румянец в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдёт матушку.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же час лишиться детей, мужа, всего имения, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тень какого-нибудь румянца!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ах, что вы это говорите, Софья Ивановна!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, какие же вы, право, Анна Григорьевна! Я с изумленьем на вас гляжу!

КОРОБОЧКА. Дак они белые или красные? Красные, как брусника? Или голубовастые? Ну, с голуба такие, нет?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Кто-с?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Что-с?

КОРОБОЧКА. Ну, глаза-с у губернаторской дочки?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Что-с?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. К чему вы это, милая?

КОРОБОЧКА. Я говорю: купил за пятнадцать рублей мёртвых душ, да таких хороших, один другого лучше работники, а ещё, говорит, и птичьи перья тоже покупает, и много всего обещался закупить, в казну сало тоже ставит, но, наверно, плут, ведь был один такой, покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех и протопопшу надул более чем на сто рублей ...

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да помолчите вы, Настасья Петровна! Я вам должна сказать, что вы просто глупа, как пробка и более ничего!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Вот именно – как пробка! Какая протопопша, когда тут такие дела! Приехала тут сплетни собирать! Дуй в свою деревню!

КОРОБОЧКА. Что-с?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да что с вами разговаривать? Ну, вот вам, Анна Григорьевна, ещё доказательство, что она бледна, я помню, как теперь, что я сижу возле Манилова и говорю ему: «Посмотрите, какая она бледная!» Право, нужно быть до такой степени бестолковыми, как наши мужчины, чтобы восхищаться ею.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. А наш-то прелестник ...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ах, как он мне показался противным! Вы не можете себе представить, Анна Григорьевна, до какой степени он мне показался противным.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да, однако же, нашлись некоторые дамы, которые были неравнодушны к нему.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Вы на кого намёкиваете, Анна Григорьевна? Не на меня? Вот уж никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Да я не говорю об вас, как будто, кроме вас, никого нет.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю! Но вот разве со стороны каких-нибудь иных дам, которые играют роль недоступных, это – пожалуйста.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Уж извините, Софья Ивановна! Уж позвольте вам сказать, что за мной подобных скандальностей никогда еще не водилось. За кем другим разве, а уж за мной нет, уж позвольте мне вам это заметить.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Отчего же вы обиделись? Ведь там, когда он первый раз появился, были и другие дамы, были даже такие, которые первые захватили стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе.

КОРОБОЧКА. Я говорю: купил мёртвых душ за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупает, и много всего обещался закупить ... А протопопшу надул более чем на сто рублей.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ну, помолчите, сказано вам! Тут государственное дело!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вот что, Софья Ивановна, нам надо немедленно, не глядя на поздний час, ехать к Прасковье Фёдоровне!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Как – к Прасковье Фёдоровне?!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. А так – к Прасковье Фёдоровне! Вы что же хотите, чтобы она спать легла благодушно, не зная, что её дочка за её спиной умышляет? Вы добра не хотите Прасковье Фёдоровне?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Я хочу добра Прасковье Фёдоровне.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Ну так вот. Мы первые должны с вами доставить этот занимательный сюжет с похищением в собственные уши губернаторши!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да! И причём в окончательной форме!

Дамы спешно принялись собираться.

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Пусть она, не дозревающая ничего подобного, будет оскорблена подобной историей и придёт в негодование ...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. ... во всех отношениях справедливое!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Пусть её дочь, бедная блондинка, выдержит самый неприятный tete-a-tete со своей матерью!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. И пусть швейцару дадут строжайший приказ не принимать ни в какое время и ни под каким видом Чичикова!

АННА ГРИГОРЬЕВНА. А уж там мы, в других домах, с ним разберёмся!

Анна Григорьевна и Софья Ивановна выскочили за двери, оставив на диване Коробочку в совершенно растерзанных чувствах.

Картина десятая

Опять Ноздрёв

Чичиков добежал в прекрасном расположении до крыльца дома Губернатора.

ЧИЧИКОВ. Эх, жизнь! Эх, Россия, Родина моя! До чего же всё зачудительно! До чего же люблю я эти перелески и пригорки, этих великих русских людей! Да гони ты, Селифан, скотина эдакая, не любишь ты, что ли, русской езды?!

Он уже вошел на крыльцо, но дорогу ему преградили.

ШВЕЙЦАР. Не приказано принимать!

ЧИЧИКОВ. Как, что ты, ты, видно, не узнал меня? Ты всмотрись хорошенько в лицо!

ШВЕЙЦАР. Как не узнать, ведь я вас не впервой вижу. Да вас-то именно одних и не велено пускать, других всех можно.

ЧИЧИКОВ. Вот тебе на! Отчего? Почему?

ШВЕЙЦАР. Такой приказ, так уж, видно, следует. Эге! Уж коли тебя бары гоняют с крыльца, так ты, видно, так себе, что ни попало, шушера какой-нибудь!

ЧИЧИКОВ. Ну, уж коли пошло на то, так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей.

Поздно уже, почти в сумерки, возвратился Чичиков к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа. Как вдруг отворилась дверь его комнаты и предстал Ноздрёв никак неожиданным образом.

НОЗДРЁВ. Вот говорит пословица: для друга семь верст не околица!

ЧИЧИКОВ. Ага. Для бешеной собаки семь верст не крюк. Это про тебя.

НОЗДРЁВ. Полно, брат! Ну, брат, ты дал! Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду! Верно, не спит. А! Вот хорошо, что у тебя на столе чай, выпью с удовольствием чашечку: сегодня за обедом объелся всякой дряни, чувствую, что уж начинается в желудке возня. Прикажи-ка мне набить трубку! Где твоя трубка?

ЧИЧИКОВ. Да ведь я не курю трубки.

НОЗДРЁВ. Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! Как, бишь, зовут твоего человека? Эй, Вахрамей, послушай!

ЧИЧИКОВ. Да не Вахрамей, а Петрушка.

НОЗДРЁВ. Как же? Да у тебя ведь прежде был Вахрамей.

ЧИЧИКОВ. Никакого не было у меня Вахрамея.

НОЗДРЁВ. Да, точно, это у Деребина Вахрамей. А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки, ведь я выиграл... Да, брат, ты, просто, поддеюлил меня. Ах да! Я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя. Они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки, пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что с тобой учился и отца знал. Ну, и, уж нечего говорить, слил им пулю порядочную.

ЧИЧИКОВ. Я делаю фальшивые бумажки?!

НОЗДРЁВ. Зачем ты, однако ж, так напугал их? Они, чорт знает, с ума сошли со страху: нарядили тебя и в разбойники и в шпионы... А прокурор с испугу умер, завтра будет погребение. Ты не будешь? А ведь ты, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял, брат.

ЧИЧИКОВ. Да какой я тебе брат? Какое рискованное дело?!

НОЗДРЁВ. Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждал этого, ей-богу ждал! В первый раз, как только увидел вас вместе на бале, ну уж, думаю себе, Чичиков, верно, недаром...

ЧИЧИКОВ. Да что ты, что ты путаешь? Как увезти губернаторскую дочку? Что ты?

НОЗДРЁВ. Ну, полно, брат: экой скрытный человек! Я, признаюсь, к тебе с тем пришел: изволь, я готов тебе помогать. Так и быть: подержу венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с уговором: ты должен мне дать займы три тысячи. Нужны, брат, хоть зарежь! А еще они говорят такое ...

ЧИЧИКОВ. Господи, что?!

И вдруг завертелись перед Чичиковым одно лицо за другим. Вся Россия.

МИЖУЕВ. А прокурор-то с испугу умер, завтра будет погребение.

ПЕРВЫЙ МУЖИК. А прокурор-то с испугу умер, завтра будет погребение.

ВТОРОЙ МУЖИК. Вишь ты, вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву, или не доедет?

ПЕРВЫЙ МУЖИК. Доедет.

ВТОРОЙ МУЖИК. А в Казань-то, я думаю, не доедет?

ПЕРВЫЙ МУЖИК. В Казань не доедет ...

МАНИЛОВ. Не допущу пройти позади меня такому приятному, образованному гостю.

МАНИЛОВА. Мы не допустим пройти позади нас такому приятному, образованному гостю. Чмоки-чмоки вам.

МАНИЛОВ. Фемистоклюс, Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?

ФЕМИСТОКЛЮС. Париж.

МАНИЛОВ. А у нас какой лучший город?

ФЕМИСТОКЛЮС. Петербург.

МАНИЛОВ. А еще какой?

ФЕМИСТОКЛЮС. Москва.

АЛКИД. Парапан. Зачудительно. Дядя, а ведь ты дурак?

АННА ГРИГОРЬЕВНА. Это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем:

он хочет увезти губернаторскую дочку!

НОЗДРЁВ. Смерть не люблю таких растепелей! Ну, чёрт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!

МИЖУЕВ. Нет, брат, ты не ругай меня фетюком. Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от буквы Фэ, почитаемой неприличною буквою.

СОБАКЕВИЧ. Стыдно говорить такую сумму! Вы говорите настоящую цену!

ПЛЮШКИН. Что, батюшка, слепы, что ли? Эх-ва! А вить хозяин-то - я!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Тогда слушайте вот ещё новость. Вот сейчас-то вы точно упадёте. Поздравляю вас: оборок более не носят.

ПЕРВАЯ ДАМА. Как оборок – не носят? Что значит – не носят? Как - не носят? Что вы такое вообразили, что вы такое говорите?!

ВТОРАЯ ДАМА. На место их - фестончики.

ТРЕТЬЯ ДАМА. Это не может быть. Это нехорошо - фестончики!

ЧЕТВЕРТАЯ ДАМА. Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу - фестончики, везде - фестончики.

ПЯТАЯ ДАМА. Нехорошо, если всё фестончики. Это ужасная новость. Я бледна.

ШЕСТАЯ ДАМА. Я посмотрю в зеркало. Да, я бледна. Мне нехорошо. Я совсем бледна.

СЕДЬМАЯ ДАМА. Фон голубой и через полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки ...

ВОСЬМАЯ ДАМА. Глазки и лапки?

Кинулся Чичиков прочь, бегом в бричку. Едет по улице. А впереди него кибитка Коробочки.

Как вихорь вдруг взметнулся дремавший город! Вылезли из нор все тюрюки и байбаки, все вышли, шли возле кибитки Настасьи Петровны и грозили ей кулаками. Будто на Страшном суде поднялись из земли обглоданные червями скелеты и пришли устроить ей суд. Выпучив глаза, наблюдала она эту беготню и слушала проклятья и крики:

ВСЕ. Мёртвые души! Чичиков! Коробочка! Сало! Перья! Мёд! Пеньку! Продала души! Продала души, души продала Коробочка! Душу свою продала!

Бледны, бледны, один другого выше, один другого костистей, стали они вокруг кибитки, того и гляди – растерзают.

Картина одиннадцатая

Побег

Приехала она домой. В комнате совсем стало темно, но никто не пришёл, не засветил свечи.

Прошла, держась за кресла, по комнате.

КОРОБОЧКА. Да что ж всё это значит? Мёртвые души, губернаторская дочка и Чичиков сбились и смешались в голове моей необыкновенно ... Что ж за притча, в самом деле, что за притча эти мёртвые души? Как же покупать мёртвые души? Где ж дурак такой возьмётся? И на какие слепые деньги станет он покупать их? И на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мёртвые души? И зачем вмешалась сюда губернаторская дочка? Если же он хотел увезти её, так зачем для этого покупать мёртвые души? Если же покупать мёртвые души, так зачем увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, он хотел ей эти мёртвые души? Какая же причина в мёртвых душах? Даже и причины нет. Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!

Стоит Гоголь, спрашивает:

ГОГОЛЬ. Что, Настасья Петровна, торговала мертвыми душами?

КОРОБОЧКА. Не продавала, нет ... Не продавала ... Покойника-то своего, Ивана Петровича Коробочку, я не продала ли? Нет, он у меня дома остался, за часами лежит ... Хоть его оставила, слава Богу, хоть его душу не продала ... Не продавала! Не продавала! Не продала! Не продала!

Вдруг возле ее окон пошла погребальная процессия. Чичиков смотрит на нее.

ЧИЧИКОВ. Вот, прокурор: жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот. А ведь если разобрать хорошенько дело, так, на проверку, у тебя всего только и было, что густые брови. Селифан, давай скорее! Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны. Говорят, значит счастье, если встретишь покойника ...

Картина двенадцатая

КОНЕЦ

Чичиков мимо едет. Рукой машет.

ЧИЧИКОВ. Почему торгуешь мертвыми душами, Настасья Петровна? Коробочка, дурко, здоровья желаю!

КОРОБОЧКА. Не продавала! Не продала!

Вдруг разом исчезли все с улицы – как сон, наваждение, морок.

Настасья Петровна ещё раз взглянула на луну. Вытерла набежавшие на старые морщинистые щёки слёзы.

Но мимо, мимо!

ЧИЧИКОВ. И зачем же среди недумаяющих, веселых, беспечных минут сама собою вдруг пронесется иная чудная струя: еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо... Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

Едет Чичиков по России.

Велика Россия.

Много Чичиковых.

Темнота

Занавес

Конец

октябрь 2013 года

город Краков